

СОВЕТЫ-УКАЗАНИЯ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА „Вокруг Света“

1. Присылая подписную плату за журнал, обязательно указывайте, являетесь ли **новым или старым** подписчиком. В последнем случае присылайте ярлык, по которому получаете журнал.

2. Если подписчик без приложений хочет подписаться дополнительно на приложения, пусть делает обязательную пометку; **„доплата за приложение“**.

3. Подписчики, приславшие подписную плату и пересылающие ее теперь без указания срока, с какого числа они подписываются, зачисляются подписчиками с 1 января и им досылаются все номера. В дальнейшем они получают журнал в зависимости от срока, на который они подписались, из расчета двух номеров в месяц.

4. Каждый приславший подписную плату только на один месяц, т. е. 40 коп., получает два очередных номера, независимо от того, с какого месяца он указывает подписку. Кто желает получить определенные номера, пусть их точно укажет.

5. Подписчики, вносящие плату ежемесячно, хотя бы и в течение всего года, считаются месячными подписчиками и в розыгрыше премий не участвуют.

6. Каждому, приславшему подписную плату с указанием, что подписка производится с января 1927 года, высылаются все вышедшие номера.

7. Условия розыгрыша, порядок и сроки его, разъяснения о приложениях опубликованы в № 2 журнала „**Вокруг Света**“. Разъяснения даются и по вопросам читателей.

8. При всякого рода жалобах о неполучении приложений или билетов на розыгрыш, необходимо прилагать копию ярлыка или самый ярлык, с которым получен последний № журнала.

9. Приложения рассылаются отдельной от журнала бандеролью через несколько дней по выходе самого журнала.

10. В случае неаккуратной доставки журнала или его приложений, точно указывайте, куда, когда и на какой срок сдана подписка. Высылайте одновременно ярлык.

11. Журнал будет выпускаться с таким расчетом, чтобы к 1-му июля дать 12 №№, т. е. из расчета два №№ в месяц,—считая с 1 января 1927 г.

Направляйте свою подписку непосредственно в адрес **ИЗДАТЕЛЬСТВА**

~~~~~ (Ленинград, Фонтанка, 57). ~~~~~

Отсутствие посредников дает подписчику возможность получать журнал бандеролью с наклеенным на ней подробным адресом подписчика. Таким путем достигается своевременное получение журнала.

ВСЕ ПРЕМИИ ПО РОЗЫГРЫШУ ВЫСЫЛАЮТСЯ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ 15-го ИЮНЯ.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лар. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света № 10

1927 г.
ИЮНЬ
10

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Ман. „Старые и новые“ (Союз молодых). — Р. Скотт. „Башня Литера“. — Я. Зарик. „Чудо XVIII века“. — С. Вектура. „Братство“. — К. Лернер. „Мужик, который изобрел автомобиль“. — Мак. „Пролом в будущее“. — М. Бормилих. „Крылатый безумец“ и др.

РЫБАКИ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Сколько воспоминаний связано у нас уже по одной литературе с опасным промыслом отважных рыбаков. Неожиданно взбесившееся море, захлестывающее углый рыбацкий парусник. Отчаянная борьба за жизнь и конечная гибель тех, кто отважился уйти в далекое море. Все эти картины теперь относятся больше к прошлому, а в наши дни рыбаки обычно держатся у берегов. В дальние же и длительные поездки теперь отправляются одни большие пароходы, снабженные всем последним техническим оборудованием для успешной рыбной ловли.

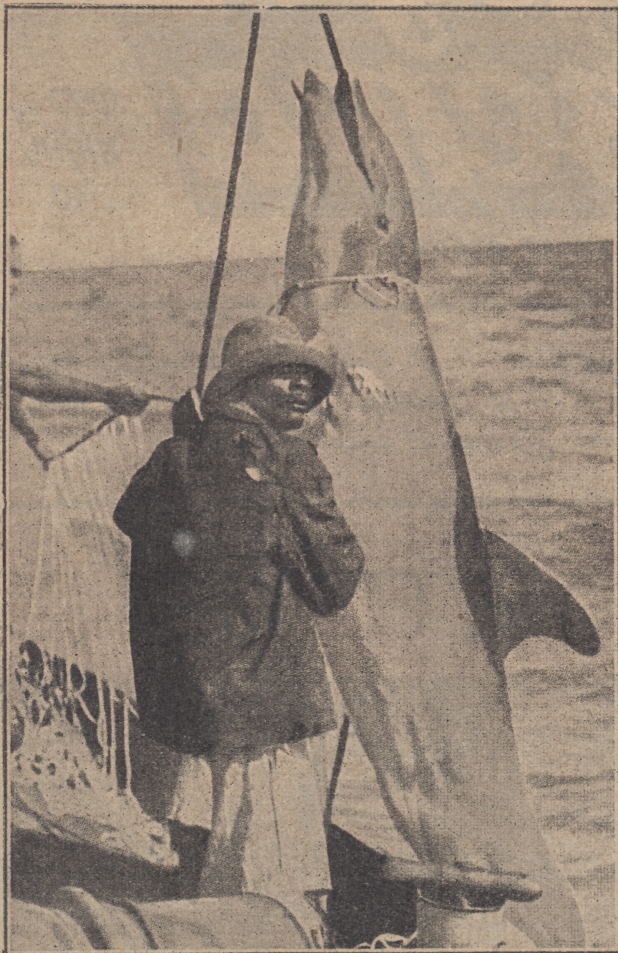
Словом, в наше время не только ловля китов требует больших предварительных затрат, но равным образом и ловля морской рыбы, которой с каждым годом становится все меньше и меньше. Так лишний раз оправдываются слова одного американского зоолога. «Ни один вид животных — утверждает он — не выдерживает упорной и длительной за ним охоты человека. Каждое такое животное обречено на постепенное, но верное исчезновение». А чем меньше становится рыбы, тем дороже обходится ее улов. Тощему рыбацкому карману уже не под силу обзавестись всем дорогим техническим, оборудованием, обеспечивающим успешную ловлю. Капитал захватывает и эту область морских промыслов.

Теперь понятно, между прочим, почему рыболовство всюду поддерживается рыбоводством. В противном случае исчерпались-бы окончательно богатые природные запасы в самом непродолжительном времени.

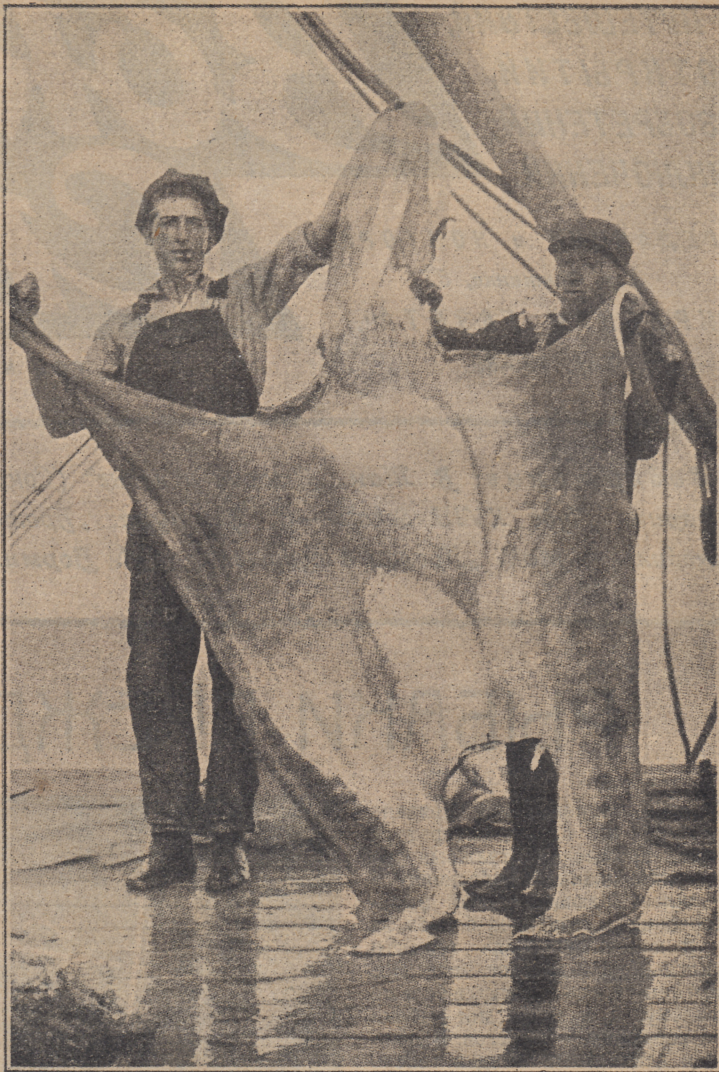
Мы видим на нашем рисунке английский тралер, занятый рыбной ловлей у берегов Исландии. Один из матросов освобождает сеть от пойманной семги, а другие, вооруженные особыми колотушками и крючками, глушат и убивают свою добычу

У БЕРЕГОВ ФЛОРИДЫ

Огромный дельфин, пойманный на акулий крючек и вытянутый ремнем, сдавившим горло.

Кожа акулы, идущая на выработку обуви.

Рыба-пила, нападающая иногда на купающихся,

Черепаха-гигант: одного мяса 140 кило.

Рис. худ. И. Корол. ва.

Содержание первой части.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилову, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилову возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробило и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы. Наконец, происходит первая на реке Колыме экспроприация: тщедушный Пака забирается в амбар купца Макарьева за рыбой для своих голодных детей. Хотя Паке не удается унести добычу, но следовавшие за ним колымские ребята хорошо использовали открытый Пакой амбар.

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ

Глава V.

1914 год выдавался обилием промысла. Рыба, пушнина, олени на тундре и лоси в лесу — всего было вдоволь. Даже ламуты заплатили торговцам свои невероятные долги белками, песцами и горностаями. Природа словно хотела побаловать людей в последний раз перед нависшей грозой. Но об грозе никто не думал. Среди всеобщего обилия Голодный Конец на время перестал соответствовать своему прозвищу. Гагарленки старого Паки набивали отборною рыбой свои ненасытные зобы и Щербатая выть жевала и мяла еду своими щербатыми ртами.

Ребятишки отбились от дому. Летом в каждом ручье есть еда и можно промыслить рыбу хоть штанами, как в юкагирской сказке. Викеша Казаченок больше не клевал краснощекую Аленку своим вороньим носом и оба они карабкались рядом на склоны рыжих скал, выбирая из под папороти крепкую и твердую бруснику, как красненькие бусы. И так настала осень с тихими ночными морозами, с первой, особенно сладкой мороженной рыбой — строганиной.

В октябрьский вечерок Андрейка и Викеша уже пробовали лепить молодые снежки из густо нападавшей пороши. Мало им было дня, так они прихватали и вечер. Как вдруг простучал по звонкой земле скачущий конь своими некованными копытами. На всей Колыме

три подковы, и те завезены с юга и прибиты для счастья над воротами у трех казаков.

Конь проскакал и запнулся у калитки.

Нарочный... — Гонец из Якутска.

В 1881 году по сонным улицам Колымска впервые проскакал такой сверхъестественный гонец с воплем и воем: «Убили царя, убили Лександру второго!» И жители заперлись в страхе. Убили царя — все равно, что убили бога.

Вот тогда сразу решили поречане: «Безбожная южная Русь, ежели не побоялась, убила царяющего бога».

В 1894 году другой гонец привез на гриве лошади новую весть: «Царь помер, тоже Лександра, по счету третий».

Но тут Колымчане уже осмелели и чей-то голос из темноты крикнул с простодушным любопытством: «Сам, али тоже убили?»

И гонец объяснил, во избежание недоразумений: «Сам подох».

На Колыме, как сказано, вещи называются естественными именами.

А еще через десятку, в 1904 году, гонец принес на уздечке коня хлесткое слово «война». Теперь на четвертую десятку новый гонец принес новую войну. Две царских смерти и две войны — вот был итог новостей, приходивших с далекого юга за сорок лет в заброшенную Колыму.

Война Колымы не касалась. Там не было рекрутины, ни раньше ни теперь. Туда забегали порою беглые солдаты, дезертиры-новобранцы, да там и оставались, укрытые тяжелым бездорожьем от воинской комиссии, — даже семьи разводили и пускали новый корень. От них на Колыме и Индигирке пошли такие имена, как Солдатовы, Забегловы.

Но все же на утро весь город говорил о неслыханной войне. С целым светом задралась мудреная южная Русь. С нами четыре державы, а то пять, а то шесть. А с «ними», с «теми» — три, а то четыре. И хотя 4—5—6 больше чем 3—4, но Колымские политики, вспоминая недавнюю русскую встречу с азиатским японцем, решили беспристрастно: «Отдуют опять».

Попрежнему жила Колыма. Собачники ездили на тундру к чукчам за оленями и на зимних посиделках парни бросались с размаху к девицам на колени, чтоб крепче притиснуть к скамье, и смачно целовались с ними и «корогод» (хоровод) выпевал посредине избы:

Кинуся, бросаюся,
Кинуся, бросаюся.
Маме Маше на ручки,
Маме Маше на ручки,
Я на Маше посижу, я на Машу погляжу,
Поцелую, обойму, надеждущей назову.

По прежнему пришел конский караван из Якутска, навьюченный чаем и мукой и сахаром и разными припасами и даже, к удивлению, спиртом, в плоских,

трехведерных боченках, несмотря на строжайший запрет. Правда, спирт продавался впятеро дороже, чем прежде. Но не все ли равно. В сей год Колыма была богата. Ей было чем платить. Ничего не изменилось.

Но мало по малу, из обрывков газет, из темных, неясных и ползучих слухов сложилось суждение: — Светопреставление на юге. Всякие народы, и «наши» и «ненаши», ум потёрляли и режутся, грызутся хуже волков и медведей.

Однажды солдат, искалеченный, безрукий и навеки перепуганный, забежал в Колыму, прямо с далекой польской Равы, за десять тысяч верст.

Левая культяпка служила ему вместо отпускного билета. Но он чувствовал себя дезертиром, беглецом и порою просыпался по ночам с криком: «Идут, зовут!». Свое настоящее имя он тщательно скрывал, и называли его поречане Егорша Безрукий.

Был он иркутянин, сибиряк, хотя из семьи новоселов. На Раву попал сейчас же из телячьего вагона, с надписью: «Сорок человек, восемь лошадей», угодил под пулемет, под завесу огня, под буханье тяжело-весных прусских «берт» и видел в сущности один

Пришел конский караван из Якутска.

короткий бой, но все же каким-то чутьем он знал самое безумное и страшное о битвах и потерях, и осадах. И он рассказывал чуть слышным голосом, замурив глаза, — как прячутся люди месяцами в земляных окопах, а потом бросаются вперед и рвут свое тело о колючую проволоку и колят друг друга штыками, а сверху железные птицы, с пулеметами на спине, поливают их бомбами, а птиц этих снизу стреляют и бьют на лету.

И простодушные, колымские люди ахали и ужасались: — безбожная, немилостивая Русь, хуже диких зверей, злее убийственных чукоч!

— А за что они бьются? — спрашивали бабы.

И солдат объяснил, как умел по своему: — Не хватает им земли.

Егор сибиряк, новосел, еще понимал про Российскую нужду в земле.

— Сколько народу развелось на Руси, что негде пахать, а кое которую землю получше разобрали купцы, да начальники.

— Оуть же и у них, у «ненаших», скажем, у германцев, тесная земля, куренка негде выгнать. Вот и отнимаются и режутся все вообще.

— А чего это куренки?

— Птица!..

И еще больше дивовались простодушные поречанки: — Зачем же выгонять куренка, когда можно убить его и съесть.

Мало земли!.. А в Колымском обширье поселок от поселка стоит на тридцать верст, и в поселке два дома и только. И столько земли, что хватило бы сразу на всех, и наших и ненаших. И каждый человек на счету. Человек — это богатство.

— Дети — богатство наше! — говорит Колыма.

Ребятишки ходили за Безруким табунами. Викеша и Егорша и Андрей и Савка Якутенки, из старого шаманского рода. Имя его было Прокофий, но его называли не Пронька, а Савка, по деду — шаману. И Пака Гагарленок, — тоже Пака, по отцу, — острый, суматошливый кудлатый, похожий на сорокопуга. И еще двое братьев. Имя обоим было Микша¹⁾, одного называли Берестяной, другого Крутобокий. Берестяной был крепкий, веселый и гладкий, как белая береста, а Микша Крутобокий был кожаный,

жесткий, похожий на чукотского бога, каких выставляют на праздничных санках и мажут им губы салом. У Микши Крутобокого кстати же была и привычка постоянно облизывать губы языком, как будто он слизывал чукотское жертвенное сало.

И девченки, Хачирка и Сельдятка, и Машура Широкая, и Фенька Готовая, и Аленка-Гусенок, и Лика-Стрела. Все они подросли за последние годы. Коноводу всей партии, Викеше, уже миновало двенадцать. Они держались в стороне от больших и от очень маленьких, устраивали особые игры, например, начали играть в войнишку.

Они делились для этого на две партии: «наших» и «ненаших». Дальше этого в своих обобщениях они не пошли. Вообще же в распределении побед и поражений они были вполне беспристрастны. Например, «ненаши» частенько нападали на «наших» и давали им здоровую трепку.

Японская война на севере не выразилась играми. Но эта вторая война, таинственная и ужасная, задела фантазию даже у колымских подростков. И тут был живой источник, из которого можно было почерпнуть заманчивое знание об этих беспричинных, жестоких и вполне непонятных делах.

Они смотрели Егору в рот и задавали вопросы без счета. «Чем дерутся и зачем дерутся? И куда они девают убитых и что они едят на войне?». Последние вопросы задавали девченки. Возможно, что они подо-

¹⁾ Микша — от Николай (Миколай). Как Якша от Яков, Кирша от Кирилл.

зревали жестокую Русь в смещении войны с охотой, то есть в людоедстве.

ГЛАВА VI.

Однажды, на обрыве над речкой Егор стал рассказывать. В сущности это не был рассказ, а отрывочный ряд воспоминаний, и то, пожалуй, не личных, а общих солдатских, навеянных Егору массовым ощущением войны.

— Крыли нас немцы, почем зря. Нос высунешь — нос отстрелят. А голову — так голову. Зарылись мы в землю, как змеи. Лежим, шипим. Яд наш при нас. И вдруг подходит ко мне юнкирь.

— Вставай, сукин сын!

А мне встать неохота. Так он меня кнутом.

— Ух, ты!

— А мне встать неохота.

Так он винтовку схватил, да штыком меня, штыком.

— Не путай, сибиряк, — сердито отозвался Викеша. — Русский бьет, и русский возит?... Врешь ты! Русский, конечно, стегает челдонов.

Они успели узнать про Егора, что он «сибиряк-дурак», из тех самых сибирских челдонов, которых некогда завоевал Ермак.

Новоселы упрекают староселов, сибирских челдонов, что это их собственных предков завоевал Ермак, а совсем не одних полевых кругоходов татар.

— У, какой вострый, — сказал хладнокровно Егор. — А ты сам кто, русский?

— Русский! — сказала за Викешу Аленка, с известной гордостью. — Политика русская. Его отец на царя бонбами бросался.

— Важное кушанье, — сказал презрительно Егор. — Мы на войне сами бонбами бросаем... А российским попадает поболее сибирских. Сибирского достанешь, либо нет!... Всех больше на свете битые русские.

— Кто с кнутом? — настойчиво спрашивал Викеша.

— Известно, начальство, офицер!...

Однажды, на обрыве над речкой Егор стал рассказывать

— Вставайте, так вашу! Всех переколем!..

Тут мы встали, пошли. А немец и почал поливать. У него пулемет отгонялка. Что жиганет, то полоса. Сунулись назад — а у наших пулемет погонялка. Все та же смерть. От своих еще обиднее.

Хачирка всплеснула руками: — От чужих, от своих!.. Народы, народы немилосливые.

— Некуда нам деться, побегли. Добегли до окопов, а там проволока в три ряда повешена, как сеть. Мы давай. рубить да резать. Кто и застрянет на проволоке, как жук. Тут, там, везде вопят да бьются. Которые прорвались, тех немцы покололи. Тут мы назад повернули вполне.

— Как гуси в сетях, — промолвила Фенька Готовая.

Люди, повисшие на проволочной сетке, напомнили ей птичьи охоты. Колымские охотники жердями и камнями загоняют в губительные сети тысячи линялых гусей, а потом бьют их палками или душат руками, или еще проще — перегрызают им горло зубами.

— А кто это юнкирь с кнутом? — спросил неожиданно Викеша. — Русский?

— А то кто, чужой? — жестко ответил Егор. — Русский, конечно. Русский, что лошадь, без кнута не возит.

— А какое ему имя? — негромко спросил Викеша. Ему почему-то представилось, что Егор ему скажет: Авиллов.

— Какеи имена!... Мы разве спрашиваем? Он тебе имя свое пропечатает на морде...

— А я бы его бонбой, — сказала Аленка Гусенюк своим сладким, слегка шепелявым голосом.

— Кого? — спросили ребята заинтересованные.

— Того, который бьет, — сказала Аленка спокойно и упрямо.

Безрукий пожал плечами. — А может, и мы?! — сказал он загадочно.

Викеша молчал, в душе его двоилось. Русь бьет, Русь бьют... Бывают различные Руси.

— Я бы убежала, не пошла, — воскликнула Хачирка.

— Бывает, убегают которые в леса, — согласился Егор.

О, в леса, — это было знакомое.

— Есть нечего в лесах, — объяснил Егор, — на волчьем положении.

Дети молчали, словно взвешивали, которое положение лучше, человежье или волчье.

— Трудно итти на войну! — сказал Егор. — Когда уезжали по машине, женки с ребятами ложились под машину: задави нас машина до смерти, чем с милым разлучаться!...

И это было знакомое. Горечью внезапной разлуки бала напоена кочевая колымская жизнь. Хачирка даже пропела тихонько:

Прощай, радость, жисть, веселье,
Слышу, едешь от меня.
Нам должно с тобой расстаться,
Тебя мне больше не видать.

А потом помолчала и вздохнула:

— Какая ваша русская жисть!...

— Такая, — ответил Егор.

Он долго молчал и вдруг затянул тоненьким, чуть слышным голосом:

Из-за речки, за быстрой,
Становой едет пристав.
Ой, горюшко, горе, горе,
Становой едет пристав.

— Чего это ты поешь? — спросили дети.

— А это русская песня. Вот там, где война была, там и поют. А вы не молчите, подпевайте.

За ним письмоводитель,
Суций вор — грабитель.

И дети подхватили с привычной певучей ухваткой:

Ой, горюшко, горе, горе,
Суций вор — грабитель.

Самая несчастная, злая российская жизнь!...

ГЛАВА VII.

Якутскую торговлю словно отрезало ножом. Не стало ни привозу, ни отвозу. Словно Якутск переехал на луну или прямо на тот свет.

Худосочный Колымск неожиданно стал задыхаться от обилия ненужной пушнины, готовой одежды, даже драгоценной белой юколы, которую зимою возили в Якутск по морозу. Никакой осетровый балык не может сравниться с юколой из колымского чира. Но теперь приходилось колымчанам самим потреблять свои рыбные лакомства.

Главная беда, не стало чаю, табаку, сахару, ситцу, железа, не стало ничего.

Что было у купцов, они припрятали в подполья, или прямо закопали в подземных тайниках, чтоб люди не нашли и не отняли.

С удивлением и гневом Колымск, раньше полунезависимый от южной «Руси», которому, главное, была бы святая рыбка, наглядно ощутил, какая крепкая пуповина соединяет его с культурой. Но теперь в этой пуповине кровь перестала пульсировать.

Без русского прядева и нити не было сетей и нечем было даже ловить святую рыбку. Приходилось плести кое-как ивовые верши. Без порошу и дробы приходилось приниматься за дедовский лук.

Но от сознания этой тесной связи с югом еще более негодовал Колымск.

— Не пропускают, ничего не пропускают. Чаю ни маковой росинки, сахару ни зернышка.

— Злая Русь!

Раньше в Колымске говорили: «Мудреная Русь» и этим отдавали дань почтения всем выдумкам культуры, старой и новой, от церковной восковой свечи до граммофонной пластинки. Ведь был и в Колымске граммофон.

Но теперь колымчане были готовы пуститься походом на Русь и силой отнять задержанные богатства.

Вестей и гонцов из Якутска тоже не бывало. Доходили, неизвестно откуда и как, тяжелые, мутные слухи: режутся, воюют.

Тут где-то воюют, под боком, в самой Якутской губернии.

— Вот так на! — судили колымчане. — Апонцы или кто-иные пришли. Столько народов воюют. Мог какой-нибудь добраться и до Ленского угла.

Другие слухи, более неопределенные, но вместе и более понятные, разъяснили: Никто не пришел. Сами воюются, режутся, режут друг дружку.

Собственно о революции, о революционном правительстве, в Колымске не слыхали. Однако, как раз через год, в июле 1918 года, в Колымске, вообще привыкшем ничему не удивляться, случилось новое чудо.

Съехал исправник из полицейского дома, так неслышно и скромно съехал, словно рассчитанный приказчик. Конечно, никто его не рассчитывал. Он сам рассчитался, рассчитал, что пора уходить и съехал на квартиру к своей «экономке» Палаге. «Экономка» по колымски любовница. Очевидно, подход экономический. С собою исправник не взял ничего, ни казенных бумаг, ни вещей. Из собственных вещей взял самое необходимое, носильное платье и две колоды новых, неразодранных карт. Даже мундиры свои и шапку с кокардой, орленые пуговицы и шашку с портупеей оставил на квартире при полиции, как достояние казны.

У Палаги был собственный невод, справленный, конечно, на исправничьи деньги. На другой день после своего отречения от власти, Колымский Цинциннат¹⁾, вместе с Палагой и ее косоглазым братом, сели в неводный карбас и выехали за сто верст на рыбную заимку.

На колымчан это дезертирство исправника произвело впечатление гнетущее. Главное, вслед за исправником сбежал и помощник, и дежурные казаки, и писцы, — и тоже бросили бумаги и пуговицы. Полиция осталась как-будто чумовая, запустелая.

Последним оставался престарелый Олесов Никола. Ему было семьдесят лет. По имени он звался совсем не Николай, а именно Никола, по святому Николу Мокрому, и имел серебряный крестик за выслугу лет. Он просидел три дня совершенно один, но оторопь взяла и его. И он ушел.

Дошло до того, что даже те грозные двери, куда колымчане ходили на поклон и носили посулы, стали заплетаться паутиной.

Городу, однако, нельзя было оставаться без власти. Была казенная пушнина, хлебный и соляной магазины, боевые припасы, да мало ли что.

— Как бы не ответить за это, — подумал Колымск.

И как-то само собой составилось новое колымское правительство, деловое и нейтральное.

Оно составилось тоже из чиновников, но преимущественно из опальных, отставных, отстраненных от власти, — за что? Разумеется, за взятки, воровство и так далее. Они состояли многие годы под судом. Но как только ушло настоящее начальство, эти подсудимые его заместили по праву.

Они себя называли: «Народное Правительство» — почему же народное? Очевидно, неопределенный дух демократизма, даже при отсутствии вестей, как-то сообразился с юга на Колыму.

Возглавляли это правительство два отставных подсудимых, Трепандин, бывший заседатель, отданный

¹⁾ Цинциннат, римский диктатор, покинувший власть, для того, чтобы пахать землю на собственном участке.

некогда под суд, но отказавшийся ехать в Якутск на разбирательство. Судили его заочно, приговорили к лишению прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Восточной Сибири. Но так как достать его из Колымска не удалось, то ему и назначили ссылку в этом самом Колымске. Колымск без сомнения и был отдаленнейшим местом Восточной Сибири.

Был он человек пожилой, зажиточный и по своему весьма уважаемый в городе.

Другой отставной подсудимый был Бережнев Екимша, иначе Екимша Качконок из девичьей семьи, не лучше, чем девки Щербатых. Корень этой семьи пошел от бабушки Катьки. И оттого эту ветвь Бережневых звали Качконки, Катериничи. Бережневые, Бережные, на Колыме, очень ветвистый корень. Есть Бережневые Ростопыри и Бережневые Лапкины и Бережневые Брехуны. Но Бережневых Качконок стали отличать особо. Екимшу всегда называли вместо батюшки

из его же собственного трубочного мундштука. Накипь была горькая, как желчь, и на жвачку годилась отлично. От нее пропадала усталость, как от крепкого вина.

Митька собственного хозяйства не заводил и с детства ходил в батраках у того же Макарьева. Получал он одиннадцать рублей на Макарьевском чае и табаке. Пища на Колыме не считается. Жалованье Митькино было собственно двенадцать рублей, но Макарьев считывал рубль.

— Уж очень беспощадно изводишь табачишко, — говорил он в объяснение.

— Хозяин! — передразнил Митька.

по матушке: Еким Катеринич Бережной. Насколько Трепандин был маленький, тощий, корявый, с якутскою редкой бородкой, настолько Еким Катеринич был высокий, белая, сырой, весь слепленный из славянского белого недопеченного теста. Он был казачьим командиром и под суд угодил за растрату казачьей муки. Растрату произвел в Верхоянске, а в Колымск сбежал, как в убежище преступников.

Знамя восстания против этого странного правительства поднял Макарьевский батрак, Митька Ребров.

ГЛАВА VIII.

Митька Ребров писался «из Якутского рода», но в отличие от других колымчан по якутски говорил плохо. У него были светлые волосы и ужасные монгольские широченные скулы. Был он здоровый, плечистый, работал за двоих. А если устанет, закладывал за щеку черную жвачку из накипи табачной, выскребленной

Митька помалкивал, и если в промежутках работы добудет какую лисицу или песца, сдавал их тому же хозяину. Плату выбирал портяным, т.е. тканями, из которых, как известно, шьют порты, и готовой меховой одеждой. У него были рубахи из серого сатина, что на Колыме считается щегольством, варваретовая куртка, подбитая лисьими лапами. Варварет, т.е. плис, на Колыме дорожке наилучшей лисицы-огневки. И так одевался Ребров лучше многих колымских казаков. Пил он крепко, раз в год, весной, когда приходил главный зимний караван. Но ума он не терял и даже настоящее не пьянел.

Казаки задирали его: — Почему задаешься, Дмитрий, ходишь, например, в варварете, водку пьешь, а хозяйства своего не заводишь?

Но Митька отвечал рассудительно: — На кой оно ляд, хозяйство? Худой снасти не люблю. Сети, например, с такими дырками, что пролезет медведь. А у хозяина водится все первосортное, невод или сети, топор или, например, кочевник ¹⁾. Посуда у него не битая, сухари, юкола свежие. Можно промышлять. У вас вон и чашки все клеенные, хозяевы-раззявы.

— Чей невод всех больше ловит? — Макарьева купца. — А кто у Макарьева в первых загребщиках ходит? — Митька Ребров!

¹⁾ Большая лодка.

Митька был холост и семейства не имел, но он приспособил к Макарьевскому неводу стряпку Матрену Романцеву. У ней было бельмо на глазу, но стряпка она была отменная, в обоих рыбацких направлениях, т.-е. состряпает еду и выстряпает, вычистит рыбу на скользком рыбоделе, куда после промысла вываливают рыбу для обработки, разреза, посолки или развеса по шестам.

Так что и ели у Макарьева лучше, чем у казаков. Одним словом, по Некрасову:

У купца, у Самохвалова,
Живут люди не робеючи.
Льют на кашу масло постное,
Словно воду, не жалеючи.

И вдруг революция нарушила эту купечскую идиллию. Макарьев был человек деловой и стал соображать. Шкуры, пушнина, сушеная рыба копят в амбаре без всякого соображения. Чай и табак уходят, как вода из дырявого чайника.

А главное, стало Макарьеву страшно от соседей.

— Время не то! — учуял он нутром. — Пожалуй, растащут.

И он понемногу свернул свои промыслы. Три невода было у Макарьева, шесть человек батраков. Он выслал на заимку свой особый домашний невод с сыном Алешкой и с дочерью. А батрацкие свернул, батраков рассчитал. Для Митьки он сделал исключение.

— По двору пригодишься, — сказал он ему просто.

Митька ничего не сказал. И две недели ходил по двору, с топором в руках, отыскивая, что бы починить. Каждый колымчанин в своем роде и мореплаватель и плотник. Но на Макарьевском дворе все было уделано, ухищено руками самого Митьки и чинить было нечего.

Две недели Митька провел в этом странном безработном состоянии, но больше не вытерпел. На третье воскресенье он взял из сундука красную хорошую лисицу и пошел к старику.

— Дай спирту на пол-лисицы! — попросил он мрачно.

— Сколько? — спросил Макарьев лаконически.

— Покал (т.-е. чайный стакан).

— Покал — за целую лисицу! — предупредил старик, тем самым, поднимая цену спирта вдвое. — И то для тебя.

— Давай, чорт с тобой! — ответил работник хозяину. — Да только не сыропленный.

«Рассыропливать» водку водой Макарьев не стал. Кстати и в этом выгодном, но ответственном деле, техника лежала на Реброве.

Получив свой стакан, Митька отлил с наперсток в крошечную склянку «для второго опохмелу», а все остальное влил сразу в свое широчайшее горло. Поддержал спирт во рту и словно пожевал, потом проглотил, не поморщился. А спирт был, как огонь. Но колымчане, когда можно, спирт не разводят водой и пьют сразу, чтоб лучше забрало.

День был летний, совсем бесконечный, в сущности, месяц, не день. Незакатное солнце скиталось по небу, не зная, куда ему деться. И также скитался Ребров по купеческому загороду, не зная, куда деться. Тогда

Митька Ребров задурил, забурлил, первый раз в жизни. Гнев ударил ему в голову, пуще вина.

Он взял камень и бросил в окно Макарьевской пристройки, где были кухня и батрацкая. Посыпались стекла. У Макарьева, в отличие от прочих соседей, даже на кухне было настоящее стекло.

Выбежала на крыльцо старая Макарьиха, черная, сухая, как жердь. Митька по обычаю приветствовал ее импровизированной песней собственного сочинения:

Как макарьевски невестки
Обгорели головешки.
Как Макарьиха сама
Обгорела головня.

В Колымске молодежь и всякие «дерзители» бузу заводили всегда в поэтической форме. Таков был обычай, идущий от древности.

Другая женская голова попыталась высунуться в окошко. Но окошко, даже разбитое, было для этого слишком узко.

— Ага, Катька! — сказал Митюха с злым смехом. — Заманивашь? Врешь. Ничего тебе не будет... На вот! — И он сделал рукой недвусмысленный жест.

Голова отшатнулась от окна. Митюха проводил ее новой сатирической песней:

Катерина, ой малина,
Завороченная глина.
Она вышла на порог
И набила себе рог.

— Выйди, выйди! Я тебе рог поставлю, — прибавил он в виде пояснения.

Катерина была старшая дочь Макарьева, широкая и толстая и мятая, — действительно, как глина. Она вдовела лет пять и одно время старики ладили ее спарить с Митькой. Но Митька был однолюб. К тому же он знал: Катька за Мотьку никак не состряпает.

На крик и пение вышел сам хозяин.

— Чего ты, бес? — спросил он с некоторым недоумением. Митька вообще не пьянел и не буянил.

— Сам ты бес! — отвечивал Митька. — На кой ты мне сдался? Уходи!...

— Сам уходи! — рассердился Макарьев. — Я хозяин.

— Хозяин! — передразнил Митька. — Хозявы — раззявы-халявы-гнилявы, — посыпал он рифмами. — Ежели ты хозяин, то где твое неводное хозяйство?

— С жиру сбесился, — вставил Макарьев все с тем же недоумением. — Разжирел на нашей сладкой юколе!...

— Так где же твоя юкола? — рявкнул запальчиво Ребров. — Не промышляем ее! С вашей сладкой юколы уйду на свою гнилую хачиру.

Хачира — это сушеная рыба низшего качества, пища ездовых собак и бедняков.

— Мотька, а Мотька!

Он свистнул, как-будто собаке. Из-за перегородки показалась третья бабья голова.

— Сколько бабов, — язвительно сказал Митька, — а стряпать нечего. Мотька, пойдём!...

Так совершилось на Колыме восстание первого батрака против первого хозяина.

(Продолжение следует).

БАШНЯ ПИТЕРА

Рассказ Р. Т. СКОТТ.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы разыскать убийцу, — начал старый Самуэль Андрию, усаживаясь около рабочего стола в кабинете инспектора по уголовным делам.

Аврелиус Смит опустил свою тощую фигуру в кресло и взялся за трубку. Чиркнув спичку, он затаился и с видимым удовольствием откинулся на спинку.

— Вы опасаетесь, что убийца знает вас, в то время, как вы его не знаете? — проговорил он, выпуская густое облако дыма.

— Как вы могли узнать это?

— Мой дорогой сэр! — продолжал Смит. — Вы — известный юрист в Нью-Йорке. Вместо того, чтобы посетить мое скромное жилище, вы могли бы просто вызвать меня в вашу контору. Но вам нежелательна огласка. Почему? Не из боязни, конечно, а потому, что убийца знает вас. Ваша профессия учит точности. Если бы вы знали убийцу, то просили бы меня разоблачить его, а не найти, как вы это сделали сейчас.

— Вы можете ошибиться! — возразил с усмешкой адвокат.

— В самом деле? Я почему-то не боюсь этого.

— А вы не боитесь уронить себя в моем мнении, благодаря своей ошибке?

— Нисколько! — был твердый ответ. — Я считаю только со своим собственным мнением.

— Вы походите в этом отношении на меня. Из вас вышел бы прекрасный юрист. А теперь начнем по существу, — продолжал адвокат. — Дело касается фамилии Ренфро и ведет начало издавна.

— Слушаю. Излагайте подробнее!

И старый юрист в своем рассказе ушел более чем за сто лет назад.

— В 1815 году Питер Ренфро направил свою шляпку в Гудзонов залив и бросил якорь около берега, где кончался город и начинались поля и сады. Вместе с собой Питер привез жену и своего сына Питера Второго, несколько невольников и мешок с золотом. Откуда он прибыл — он не говорил, соседи же не пытались задавать ему этого щекотливого вопроса из уважения к его семифутовому росту и колоссальному объему груди, которая равнялась двум охватам нормального человека.

Старый Питер купил участок земли в северной части Нью-Йорка и занялся устройством фермы. На второй год после его прибытия, незадолго до того, как выпал первый снег, умерла его жена. В день этой трагедии Питер Старший навсегда отрекся от мирских дел и обратил свои мысли к небу.

Когда выпал снег, он передал свою ферму соседу, забрал сына и останки своей умершей жены и погрузился на бот; призвав своих рабов, он дал им всем свободу и каждому по куску золота. Ни одного вопроса не задал Питер Второй своему отцу, когда они направлялись в северную часть Гудзона. Провожающие говорили ему, что вскоре река должна замерзнуть и их затрет льдом. Но раз Питер решил, никакие предостережения не могли остановить его. В пятидесяти милях к северу, река была уже крепко скована льдом. Позднее рассказывали, что какой-то гигант с белой головой причалил свое судно к высокому холму и там развел большой костер, до самой полуночи оттаивая промерзшую землю.

Про Питера Ренфро толковали всю следующую весну, но в Нью-Йорке его никто не встречал. Затем пошли сплетни, что какой-то безумец построил высочайшую башню на могиле своей жены. Думали, что он пытался добраться до неба, чтобы свидеться с ней. Питер Второй, вскоре вернувшийся в Нью-Йорк, подтвердил эти слухи. Он сообщил, что отец сжег себя на вершине своей башни и был похоронен рядом со своей женой. Питер Второй поселился на прежней ферме и занялся хозяйством. Прошло несколько лет и вдруг Питер женился, забрал свою жену и направился к высокому холму Гудзона. Может быть, он ехал на охоту, которую очень любил, может быть, хотел провести там медовый месяц; никто в точности не знал, какие мотивы руководили им. Но Питер Второй назад не вернулся. Рассказывали так.

В большой круглой комнате, которая занимала верх высокой каменной башни, проходили дни суровой, мертвя-

щей зимы. Молодая жена Питера готовилась стать матерью. Все произошло крайне неожиданно и Питер бросился сквозь глубокий снег, покрывавший вершину холма, вниз к поселянам за помощью. Поскользнувшись, он упал, покатился вниз по отвесной скале, хватаясь за расщелины скалы, за кустарник, который был слишком мал, чтобы за него можно было удержаться.

Находившийся недалеко индеец все видел, но побоялся riskнуть и оказать помощь. С захватывающим интересом смотрел он, как слабели мускулы повисшего человека, пока он не сорвался. А когда все было кончено, он взобрался на скалу и, с трудом пробиваясь через глубокий снег, взшел в башню. В круглой комнате красной кожей нашел мертвую женщину и кричащее маленькое существо. Он завернул младенца в одеяло и, спустившись с холма, притащил его в свой покрытый звериными шкурами шалаш. Питер Третий вошел в жизнь бурно, как подбало Ренфро.

Слух об этом дошел до белых людей и ребенка вытребовали в Нью-Йорк, где он был отдан в школу и получил хорошее образование. Достигнув зрелого возраста, он получил свою ферму и был введен полностью во владение своими огромными богатствами.

Питер Третий сделался богатым человеком. В 1860 году он приобрел в собственность ту гору, на которой была выстроена старая каменная башня, и рядом с ней построил на вершине низкий деревенский дом. Он не тронул башни, хотя она занимала лучшее место. Окна его дома, почти прикасаясь к башне, затемнились ею.

Питер Третий был первый из рода Ренфро, который получил образование. Он сделал на башне вращающуюся надстройку, установил огромный телескоп и погрузился в астрономию и математику. Он женился и прежде чем умереть перед своим телескопом от разрыва сердца (смертью, несвойственной Ренфронам), обзавелся сыном. Питер Третий забыл вырасти выше шести футов, увлекшись звездными наблюдениями.

Питер Четвертый — они были все Питеры — возродил породу, он достиг шести футов четырех дюймов и имел такую грудь, что портные разводили руками.

Еще ребенком он заглядывался на башню, пожимая плечами с полу-усмешкой, с полу-удивлением. Однажды, он измерил длину могилы своего прапрадедушки и воткнул поминальную свечку у его ног. Он продолжал жить здесь и взрослым, занимаясь охотой и плавая по Гудзону.

Этот Питер женился и имел похожего на него сына. Четыре года спустя, в 1904 году, у него родилась дочь Петровна. Девочка росла такой необычайной красоты, что прохожие останавливались, заглядываясь на нее. Их старая ферма, построенная на окраине, очутилась в центре Нью-Йорка, окруженная небоскребами, вместо зелени. Денег у них имелось столько, что они не успевали прожить всех доходов. Такое счастье длилось десять лет.

Тут разразилась мировая война и Питер Четвертый, когда-то с благоговением измерявший могилу своего прапрадедушки, уехал с первым северным поездом, идущим в Канаду. Два года спустя, он вернулся, лишившись одной руки и ноги. В смущении смотрел он на своих близких, словно чувствую за собой какую-то вину, а затем, вместо того, чтобы взять ванну, отправился на Гудзон и долго там плавал.

— Какую он потерял руку? — перебил на этом месте рассказчика Смит.

— Левую, — ответил адвокат.

Смит переместил во рту свою трубку и нервно задвигался на кресле, глядя на рассказчика с видом ребенка, который сгорает от любопытства слышать продолжение таинственной истории.

— Казалось, что Питер Четвертый вскоре забыл, что он когда-то имел две ноги и две руки. Жизнь потекла так, как и до начала войны. В эту пору Питер Пятый растался, наконец, со своим футболом и колледжем и вернулся домой. Он не дорос только двух дюймов до отца. Петровна очаровывала всех своей красотой и грацией. Мистрисс Ренфро улыбалась, довольная своей семьей. Так она улыбалась до лета 1925 года, когда сделалась вдруг серьезной, подобно всем матерям в таких случаях, и всту-

пила в серьезный разговор со своим искалеченным спутником жизни.

Питер Четвертый тоже стал серьезен и посылал грозные реплики по телефону своему поверенному в Нью-Йорке. Поверенный приехал, уехал и вновь приехал с новым завещанием.

Это произошло в один из летних вечеров. Поверенный в делах Самуэль Андриюз привез завещание и положил его перед Питером Четвертым в его библиотеке, которая была настолько закрыта старой башней, что свет едва-едва освещал ее через единственное окно. Завещание было подписано в присутствии слуги, как свидетеля. Слуга ушел. Адвокат тоже удалился, закрыв дверь и оставив своего клиента в одиночестве перечитывать завещание. Двадцать минут спустя Питер Ренфро Четвертый лежал мертвым на полу с раной в спине, нанесенной каким-то острым орудием в самое сердце.

— Ага! — воскликнул Смит. — Вспомнил, я читал об этом в газете. Следователь дал тогда такое объяснение: старый Ренфро упал со своего кресла, держа в руке острый разрезальный ножик. В этот момент он отбросил руку назад и упал как раз на острие. Он добавлял, что нож был найден здесь же, на ковре рядом с телом. Но здесь, конечно, имело место убийство.

— На каком основании вы это утверждаете?

— На том, — ответил Смит, — что смерть последовала мгновенно и нож не мог выпасть из раны без посторонней помощи. Я даже беру на себя смелость утверждать, что на ноже не было крови.

— Да, крови не было, но следователь объяснял это тем, что нож, когда выпал из раны, обтерся об одежду.

— Это предложение мало правдоподобно, — возразил Смит. — После сильного удара нож вытаскивается с трудом. Солдаты на войне знают, как тяжело вытаскивается штык из тела убитого. Или этот нож не мог нанести смертельного удара или убийца вонзил и обтер его. Я имею сильные основания думать, что в башне Питера произошло убийство.

— Чем вы его объясняете?

— Я не знаю, — ответил Смит быстро, — но во всяком случае, это явилось причиной вашего визита ко мне. А каковы ваши предположения на этот счет?

— Желание скрыть похищенное завещание, — ответил адвокат. — Когда я вернулся в библиотеку через двадцать минут, о смерти уже знали все.

— Вы никому не говорили, помимо меня, о ваших предположениях?

— Никому.

— Прекрасно! Теперь сообщите мне в деталях все, что вам известно за этот двадцатиминутный промежуток вашего отсутствия.

— Сообщение мое настолько коротко, что оно скорее затемняет ход всех событий. Первое лицо, которое я встретил по выходе из библиотеки, была дочь, Петровна, которая сидела в проходной комнате рядом, лицом к двери, ведущей в библиотеку. Она читала книгу в ожидании своего жениха, который отправился в деревню за почтой. В течение этих двадцати минут она оставалась на том же самом месте, а следовательно, никто не мог войти в комнату незамеченным ею. Она первая раскрыла трагедию.

Я поговорил с ней минут пять и вышел в сад, где...

— Подождите минутку, — перебил его Смит. — Кто жених этой девицы и где он в это время был?

— Стэнли Холтц, богатый человек из Флориды, — последовал ответ. — Я бы не останавливался на нем, если бы он не являлся гостем и женихом в доме Ренфро. Свадьба была назначена на следующую неделю.

— Я вышел в сад, — продолжал адвокат, — где я нашел мисс Кору Меливиль, прехорошенькую водевильную актрису. Она также ожидала Питера Пятого, которым она намеревалась обвенчаться на следующей неделе.

— А-а! — воскликнул Смит. — Теперь я понимаю тревогу мистрисс Ренфро и такое неожиданное изменение завещания. Прекрасно, но где же в это время находился Питер Пятый?

— Он отправился на Гудзон, чтобы поупражняться немного в плавании, — ответил Андриюз. Рядом с мисс Кора находился огромный полицейский дог, по видимому, спавший. Я присел на скамейку рядом и стал разговаривать с молодой девушкой. С того места, где мы находились, можно было видеть, и то неясно, только два окна библиотеки. Вдруг дог поднял голову, зарычал и залаял. Затем встал на ноги и принялся громко лаять.

Мисс Меливиль решила, что это появилась тень Питера Первого и мы, сопровождаемые догом, направились к башне. Мисс Кора приказала догу войти в темное нутро башни и взобраться вверх по винтовой

лестнице. Дог очень умное и послушное животное, быстро понял, чего от него хотели и скрылся в темноте; мы же остались у входа. И вдруг дог почти скатился вниз по лестнице в страшной торопливости и бросился к нашим ногам с поджатым хвостом. В тот же самый момент послышался в доме крик Петровны; мы бросились туда и нашли ее в библиотеке вместе с Холтцем, который уже вернулся из деревни. На полу мертвым лежал ее отец.

— Каково было содержание последнего завещания, которое исчезло, и каково было прежнее, аннулированное?

— Копии их хранились у меня в конторе, — проговорил адвокат, вынимая из кармана оба документа.

Смит быстро пробежал глазами по бумаге.

...приказала догу войти в темное нутро башни.

— Несомненно, исчезновение завещания могло быть причиной убийства. Насчет личности убийцы могут быть три предположения.

— Три? — переспросил адвокат.

— Да, три, — повторил Смит, — третьим являетесь вы. Прежде чем выйти из библиотеки, вы могли совершить убийство.

— Действительно! — произнес адвокат с усмешкой. — Но ведь если бы вы подозревали меня на самом деле, то не сделали бы этого замечания.

— Наоборот, я должен был его сделать, чтобы избавить вас от подозрения.

— Если бы вы были юристом, — продолжал Андриюз, с лица которого уже сошла усмешка и оно приняло серьезное выражение, — что бы вы сделали, если бы дог залаял без всякой видимой причины? Вы бы сделали заключение, что собака залаяла в тот самый момент, как умирал ее хозяин. Думаете ли вы, что собаки чувствуют трагедию?

— В какую сторону был направлен нос дога, когда он лалял? — спросил Смит.

— В сторону каменной башни, — ответил он после некоторой паузы.

— А в каком направлении он завыл? — продолжал допрашивать Смит.

— Также в направлении башни, — ответил адвокат, сделав более долгую паузу.

— Прекрасно, теперь я скажу вам, как все произошло: дог спал или дремал, во всяком случае, глаза его были закрыты. Он что-то услышал, что-то недоступное слуху ваших ушей, и приподнял голову, залаяв в направлении исходящих звуков. Своими открытыми глазами он увидел то, чего вы не видели, что-то взволновавшее и напугавшее его, нечто такое, чего он прежде еще не видел. То, что дог видел и слышал, было несомненно связано с башней.

— Но ведь не думаете же вы, что это был в действительности Питер Первый? — спросил адвокат, качая головой.

— Привидение? Это довольно занятное предположение, но я склонен думать о более реальных духах. Меня, например, очень интересует один вопрос: почему у покойного была странная привычка копаться в могиле своего предка? Положим, мы все это можем выяснить завтра на месте.

На следующий день Смит и адвокат сели в автомобиль и направились к месту происшествия. Сделав несколько поворотов, они проехали деревню и по узкой дороге направились к берегу Гудзона.

— Это дело своей сложностью напоминает механизм часов! — произнес м-р Смит. — Я очень рад, что вы меня ознакомили с историей этой семьи и полагаю, что теперь достаточно хорошо знаю всех, за исключением Петровны. Каким путем м-р Холтц, ее жених, вернувшись с почты, вошел в библиотеку раньше еще до того, как послышался крик Петровны? Нет ли почтового отделения в маленькой деревушке «Буйный Король», к которой мы сейчас приближаемся?

— Есть! Ящик висит на наружной стенке дома и, следовательно, Холтца могли не видеть. Опускал он письма или нет — неизвестно.

«Буйный Король» оказался группой домишек, приютившихся под горной скалой. Машина остановилась перед почтовым отделением, где на окне рядом с марками были выставлены леденцы, папиросы и разные бакалейные товары. Прехорошенький ребенок стоял в дверях и сосал леденец.

Смит взглянул на ребенка, улыбнулся и, выйдя из авто, взял его за руку. Сладкие пальчики прилипли к широкой ладони и оба вместе, большой и маленький, вошли в помещение.

За прилавком стояла женщина, такая же красивая, как ребенок.

— О, как он храбр, он никогда прежде этого не делал! — воскликнула она.

— Дети и собаки любят меня! — усмехнулся Смит. Могу я у вас купить папирос?

Одной рукой Смит расплачивался, в другой же продолжал держать липкие пальчики. Перед уходом он сообщил, что направляется в дом м-ра Ренфро и спросил — нет ли какой-либо корреспонденции для м-ра Холтца.

Женщина отрицательно покачала головой.

— Вы знаете м-ра Холтца? — задал вопрос при выходе Смит.

— О, да! Это человек с грязными деньгами.

— С грязными? — переспросил Смит.

— Да! — повторила женщина. — Он два раза расплачивался со мной золотой монетой в десять долларов и оба

раза монеты были такие грязные, что я, уложив ребенка, долго-долго чистила их.

— Всего хорошего! — Смит поспешно распрощался с женщиной и ребенком, не обнаружив, повидимому, никакого интереса к ее замечанию.

В продолжение оставшегося пути Смит был крайне неразговорчив.

Когда они повернули на скверную дорогу, которая вела к дому на горе, его глаза все вокруг внимательно оглядывали; он был глубоко погружен в свои мысли и не разговаривал со своим спутником. Никто, повидимому, не догадался, что вместе с поверженным в дом входит и сыщик.

Питер последний стоял перед пылающим камином, широко расставив ноги. Рядом с ним находился огромный, страшный полицейский дог, который при приближении гостей не сдвинулся с места. М-с Ренфро, сидящая здесь же в кресле, вязала, временами бросая взгляд на своего сына. Петровна на софе читала книжку, кутаясь в шаль. Вся семья была в сборе, ожидая вскрытия завещания. Все Ренфро привыкли хорошо владеть своими чувствами, проявляя их разве только во время спорта или безумия. Смит окинул быстрым взглядом присутствующих, и пока семья группировалась вокруг стола, возле приехавшего адвоката, он отошел вглубь комнаты и, остановившись около софы, заметил, что книжка, которую читала молодая девушка, была сборником стихотворений.

При чтении завещания всегда создается какое-то особое настроение. Это последнее послание умершего кажется голосом с того света. Слушатели невольно сбивались в кучу. Петровна близко под села к брату, который усиленно дымил сигарой и гладил дога, лежащего у его ног.

— Я привез последнее завещание вашего отца, — начал Андриюз, поглядывая на брата и сестру. — Я видел с ним за полчаса до его смерти в этой самой комнате.

Адвокат указал рукой, в которой держал документ, на закрытую дверь. М-с Ренфро, сама сдержанность и кротость, не подымала головы от своего вязанья. Питер же выпустил густое облако дыма по направлению библиотеки. Петровна словно почувствовала что-то и вдруг неожиданно повернула голову в сторону Смита, успевшего все-таки опустить на диван томик стихов. Она встала и подошла к нему с грацией и вкрадчивостью дикого животного.

— Вы любите поэзию? — спросила она.

— Да, — отвечал он, заглядываясь на смуглую кожу и глубокие, задумчивые карие глаза. — Я люблю поэмы Ланбера. А вы разве не интересуетесь завещанием?

— Я знаю его содержание! — проговорила она, повернувшись и вытянув по птичьему свою шею, чтобы заглянуть в серые глаза высокого господина. — Вы полицейский?

— Да, нечто в этом роде! — произнес Смит с некоторой неохотой. — Вы обладаете высокой интуицией. Кто вам сообщил содержание завещания?

— Мама! — ответила она, снова возвращаясь к столу, до которого их тихий разговор не доходил.

Андриюз начал читать завещание громким четким голосом.

— Моей любимой жене, — читал он после обычных вступлений, — оставляю в полное ее владение до самой смерти все мое имущество. Сыну же и дочери не оставляю ничего.

М-с Ренфро подняла глаза от своего вязанья, Петровна вытянула голову в сторону брата, словно желая прочесть его мысли. Питер Пятый встал, расставил широко свои длинные ноги и, щелкнув пальцами дога, произнес.

— Так! Завещание отца... Я удовлетворен вполне...

В это время наружная дверь отворилась и в комнату вошла девушка в сопровождении мужчины. Смит скользнул по ней безразличным взглядом, остановив его на бошедшем мужчине.

— Нина! — воскликнул огромный Питер, направляясь навстречу ей и поднимая ее словно куклу. — Папаша нам с сестрой не оставил ни единого цента. Это изменит дело?

Вместо ответа девушка наклонила его голову и поцеловала его. Этот поцелуй был яснее всяких слов. Гигант высоко поднял ее в воздухе, прежде чем опустить на пол.

— Мы, Ренфро, берем всегда от жизни все, что хотим! — произнес он, глядя на адвоката.

В первый момент это известие повергло Стенли Холтца в сильное замешательство, но он быстро справился со своим волнением и подошел к Петровне. Андриюз и Смит оба следили за ним напряженным взглядом.

— Деньги не могут разлучить нас, дорогая! — произнес он тихим голосом. — Я имею достаточно для нас двоих.

В этот момент Смит взглянул прямо на адвоката и поднял руку. Андриюз немедленно положил документ, который только-что читал, и произнес:

— Прежде чем продолжать, я должен сообщить, что Питер Ренфро был убит.

М-с Ренфро побелела при этих словах, как полотно. Петровна с трудом встала и направилась к Смику. Стенли Холтц и Нина казались сильно пораженными. Только Питер, повернувшись к адвокату, спокойным голосом спросил:

— А какие доказательства?

— Я читал только копию завещания, оригинал был украден в тот короткий момент, когда я оставил вашего отца в библиотеке и, вернувшись, нашел уже на полу убитым.

Испытующие глаза Смита отметили то удивление, которое появилось на всех лицах, за исключением гостя из Флориды, в глазах которого мелькнуло удовлетворение.

Питер даже раскрыл рот и сигара выпала на пол, настолько он был поражен.

— Помимо этого, — продолжал адвокат, — украденное завещание было подменено другим, в котором все имущество поровну делилось между м-с Ренфро и ее детьми.

Питер с угрозой видом потряс головой и с силой швырнул свою сигару в камин.

— Украдено или нет, — орал он — последнее завещание отца всякий из Ренфро выполнит твердо.

— Что касается убийства, — продолжал м-р Андриюз, — то я привез м-ра Аврелиуса Смита из Нью-Йорка раскрыть эту тайну.

Питер Ренфро медленно повернулся, обратив впервые внимание на человека, стоявшего у стены. Смит был высокого роста, но по сравнению с Питером он не казался большим. И так два больших человека простояли некоторое время, осматривая друг друга, пока в лице Ренфро не появилось вызывающее выражение.

— Мы, Ренфро, привыкли сами справляться с нашими делами! — заметил Питер.

— Прекрасно! — произнес Смит.

— Однако, вы можете заняться вашими изысканиями! — добавил он. С этими словами он вышел за дверь, взяв с собой Нину и дога.

Прежде всего, конечно, Смит занялся осмотром библиотеки. Эта комната имела два окна и одну дверь, ту дверь, которая все время находилась под наблюдением Петровны. Адвокат пояснил, что оба окна после убийства были найдены закрытыми, но окно, направленное к башне, не было заперто. Смит сидел за конторкой, откуда пропало завещание. Сидя так, он находился спиной как раз к окну, по другую сторону которого, всего только в двух или трех шагах, возвышалась каменная башня. Сквозь верхнюю

половину окна виднелась нижняя часть астрономической комнаты.

— Это окно, — заметил Смит, — было найдено закрытым, но не запертым. Убийца должен был нанести роковой удар через окно, так как другого пути не было.

— Ну, теперь вы уже уверены, что здесь имело место преступление?

— Даже двойное!

— Двойное? — воскликнул Андриюз.

— Я еще не могу дать никаких объяснений, дело очень сложное и имеет много разветвлений, которые нуждаются в тщательном расследовании. Я полагаю, что мне придется погрузиться в древность веков и начать дело оттуда.

Я хотел бы поговорить с тем слугой, который был свидетелем при подписании завещания.

Смит еще продолжал сидеть за конторкой, когда вошел старый слуга, который с почтением остановился, ожидая когда к нему обратятся. Смит указал на небольшую дырку в шторе окна.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Я не могу вам сказать наверняка, — произнес он, глядя на занавеску, — но, может быть, это делал Джемсон, шоффер.

Смит не спросил, каким образом шоффер мог это сделать, а велел принести измерительную рулетку и помочь ему.

В сопровождении слуги Смит проследовал, держа в руках старую тесемку, в гостинную. Петровна со своей книгой сидела все на той же софе, но не читала. М-с Ренфро вязала на том же самом месте, где находилась во время чтения завещания. Стенли Холтц отсутствовал. Пока Смит проходил через комнату, Петровна ни разу на него не взглянула.

* * *

Старая каменная башня состояла из двух частей. Нижняя часть темная и мрачная освещалась двумя маленькими

окнами, пол был без настила и даже не вымощен камнем. В самом центре, бок-о-бок, на один фут от земли возвышались две могилы, выстланные с боков камнем. Тяжелые балки поддерживали высокие своды потолка. Деревянная лестница вела в верхнее помещение башни.

К этому грубому мавзолею и направился Смит в сопровождении старого слуги. Он вошел с некоторой осторожностью и немедленно принялся за дело, которое повергло его спутника в великое изумление: он стал измерять одну из могил, именно могилу Питера Первого, который лежал там уже более ста лет.

— Шесть футов, — комментировал Смит результаты своего измерения. — И, однако, я утверждаю, что Питер Первый был ростом семи футов.

— Я знаю, сэр! — произнес слуга в нерешительности. — Мой... мой последний хозяин сделал это открытие, когда был еще совсем маленьким мальчиком.

— Я знаю, сэр! — произнес слуга в нерешительности.

— Очень хорошо, — произнес Смит, — но как же он это сделал?

Видно было, что слуге не хочется отвечать на этот вопрос.

— Я работаю в интересах семьи Ренфро, — проговорил Смит, подходя к двери и настойчиво глядя на старика. — И вы знаете, что Ренфро не нуждаются в том, чтобы их нужно было прикрывать. Между тем, мне бы очень хотелось знать, что сделал ваш последний хозяин, когда узнал, что его семифутовый предок похоронен в шестифутовой могиле.

— Вы сказали правду о Ренфро, они может быть и дики, но, во всяком случае, люди большие и вы можете служить, не боясь уронить своего достоинства. У некоторых господ нельзя поднять спичку без того, чтобы на тебя не пало грязное подозрение. Ренфро же всегда относились с уважением к слугам; правда, есть такие слуги, которые не заслуживают уважения, например, подобные Джемсону.

— Кто такой Джемсон?

— Это новый шоффер, сэр! — отвечал старик. — Он не похож на прочих слуг, по крайней мере, он так думает. Он отправлялся в библиотеку получать деньги с папироской в зубах, сэр.

— Так! И что дальше?

— Я там не был, сэр, — отвечал старик, — и я ничего не видел, но там был шум и я слышал, как хозяин приказал Джемсону съест папироску и заткнуться деньгами, которые он ему дал.

— Когда Джемсон вернулся в дом, были у него какие-нибудь синяки и царапины?

— Он не возвращался этим путем, сэр, — продолжал старик. — Я больше не видал Джемсона, но я думаю, что он вылетел через окно, вот почему и занавес мог быть порван, сэр.

— И когда это произошло? — спросил Смит.

— За день до смерти моего хозяина.

Смит повернулся к могиле.

— Я полагаю, сэр, — произнес слуга, — что вы хотите снова спросить меня, что мой хозяин делал, когда он узнал, что могила коротка для похороненного в ней человека.

— Нет, нет, — произнес Смит, — если вы не хотите этого говорить, то зачем же? Принесите мне, пожалуйста, лопату.

Слуга направился к двери, но вдруг остановился и вздрогнул:

— Вот что! — воскликнул он. — Он выкопал его!

— Или говорите немедленно, что он делал, — произнес Смит решительным тоном, глядя на могилу, — или несите лопату.

— Питер Ренфро Первый, сэр, — говорил старик, с трудом выдавливая из себя слова, — похоронен стоя...

Смит пристально взглянул на могилу. Некоторое время длилась пауза, затем старик снова начал:

— Никогда нельзя было предугадать поступки Ренфро, в особенности будучи слугой. Я не знаю, почему первый из них было похоронен стоя; руки его были согнуты так, чтобы можно было держать что-то, а в землю около его груди были положены английские суверены...

— Мешок с золотом, — поправил Смит. — Мешок сгнил... Ну, что ваш хозяин делал?

— Он совершил поминовение, — продолжал слуга, — затем положил обратно все золото, наполнил мешок монетами из своих карманов, положил свои ножи и другие детские драгоценности и все это зарыл со скелетом. Он принес дары своему умершему предку, сэр.

— Я понимаю, ваш хозяин совершил поминальный обряд! — произнес Смит. — Ну, а впоследствии, когда он приходил сюда, просматривал он деньги?

— Он делал это несколько раз в году, — пояснил слуга. — Уж раз Ренфро начнут что-либо делать, они не останавливаются, сэр. Когда Ренфро вырос, он никому не говорил и никто не знал, что он хоронит здесь -- разве что м-р...

— Ну, ну!..

— М-р Холтц... Когда в последний раз мой хозяин направлялся сюда, он стоял на лестнице. Я, конечно, не знаю, что он видел, но это такой человек, который видит и знает все.

— Позовите, пожалуйста, сюда м-ра Андриюз, — прервал его внезапно Смит.

Когда слуга удалился, он наклонился над могилой и стал сбоку отковыривать камушки, которыми была обложена могила. Один из них легко поддался и, отвалившись, обнажил черную землю. Смит сунул в землю карандаш и стал им нащупывать в разных направлениях. Карандаш

уперся во что-то твердое; разрыв землю, он вытащил десятидолларовую монету последнего образца.

— Богатые дары умершим предкам! — произнес он, вкладывая монету обратно и вновь заделывая отверстие.

Когда слуга вернулся вместе с м-р Андриюз, они нашли Смита в верхней части башни. В центре просторной круглой комнаты на пьедестале возвышался старинный телескоп. Сбоку находился железный вал, приводящий в круговое движение верхнюю часть башни. В одной части башни был устроен целый ряд подвижных стекол, одно над другим, приспособленных для наблюдения неба в телескоп. Все вещи вокруг были покрыты страшной грязью.

— Вот то окно вверх башни, — проговорил Смит, указывая рукой. — Как оно отпирается?

— С помощью длинного шеста, сэр! — отвечал слуга. — Он всегда вот висел здесь, но я его видел третьего дня перед домом.

— И он имел на конце острие? — спросил Смит, — острие, похожее на тот нож, которым, как предполагают, закололся ваш хозяин?

— Да! — вскрикнул слуга и затрясся так, что адвокат вынужден был схватить его за руки.

Но Смита интересовало еще кое-что. Он повернул железный вал и огромная вышка повернулась, издав едва слышный звук.

— Звук, который разбудил собаку, — проговорил он, обращаясь к адвокату, — и заставил ее залаять. — Он еще повернул вал и заставил верхнюю часть башни передвигаться на несколько футов.

— Собака увидела крышу в движении, чего раньше не видела, может быть ей представилось, что крыша неподвижна, а это она сама летит в воздухе. Во всяком случае, собака была сильно взволнована и завывала.

— А почему дог сбежал с башни в такой панике? — спросил Андриюз.

Глаза Смита, скользнув по полу, уперлись в небольшой предмет, валявшийся там. Это был небольшой электрический фонарик, который он поднял и стал внимательно рассматривать.

— Я не думаю, что кто-либо мог вам ответить на ваш вопрос с полной достоверностью, — произнес он. — Но обратите внимание на этот фонарик. На нем очень немного пыли, значит, он здесь обронен недавно. Когда убийца находился в этой комнате, было очень темно; на его месте я бы взял ручку этого фонарика в рот и так бы направлял свет. Такой прием дает возможность обойтись без помощи другого лица — этот свет, возможно, и напугал дога.

Бросив разговор о собаке, Смит направился к нижнему окну, которое было открыто. Заглянув в нижнее окно башни, можно было видеть спинку того стула, на котором сидел Ренфро в роковой момент.

— Сквозь верхнюю часть окна библиотеки, — проговорил Смит, — я свободно с помощью двадцати футового шеста, снабженного на конце острием, смог бы убить человека, сидящего за этим столом. Окно не было закрыто на задвижку, оно было только прикрыто, значит, открыть его с помощью этого же шеста не стоило никакого труда. Мое расследование закончено вполне, теперь необходимо заключение врачебной экспертизы.

— Но кто же убийца? — спросил Андриюз.

— В этом направлении расследование продолжается, м-р Андриюз, и оно даст большие результаты. Если вы желаете оставаться наверху этой лестницы, я постараюсь добыть что-либо приятное для вашего слуха.

Он повернулся к слуге и произнес:

— Пошлите сюда ко мне по очереди м-с Ренфро, м-ра Стенли Холтц и вашего нового хозяина Питера Пятюго. Я буду дожидаться здесь внизу около лестницы.

Аврелиус Смит, высокий и худой, но неутомимый, стоял между двумя могилами, когда в дверях появилась Петровна.

— Это торжественное место обязывает к такому же разговору.

— Да, смерть редкое, но верное лекарство! — произнесла Петровна серьезным тоном, несмотря на улыбку, которая играла на ее лице.

— Красивый подход! — произнес Смит. — Только поэты и философы находят красоту в смерти, но есть нечто и более прекрасное.

— А именно? — с любопытством спросила Петровна, вытягивая по птичьему голову.

— Любовь! — произнес Смит.

Улыбка сбежала с ее лица.

— Я вижу, что вы не любите его, разрешите мне помочь вам.

— Вы ничего не можете сделать! — ответила девушка. — Я думала, что люблю его. Но теперь вижу, что это был только лунный свет и поэзия. Но я дада обещание, а Ренфро никогда не нарушают данного слова. Я не знаю, зачем я говорю об этом, может быть потому, что вы все понимаете.

— Мне известно, что вы и ваша матушка знали содержание нового завещания, которое, несомненно, должно было потрясти этого недостойного человека, который хотел, женившись, войти в дом Ренфро. Это завещание пропало, но я хотел бы выполнить желание вашего отца. Вы разрешите мне?

— Вы знаете так много! — пробормотала Петровна, с робкой улыбкой, появившейся вновь на ее лице. — Я должна сдержать мое обещание, но я надеюсь на вас.

Несколько минут спустя, на месте Петровны стоял Стенли Холтц. Смит был тот же самый, но приемы его были совершенно другие.

— Холтц! — заорал он. — Завещание могло быть похищено только двумя лицами или вами, или мисс Ренфро, так как вы первые вошли в комнату умершего. Кто из вас взял завещание?

— Вы меня оскорбляете! — вскричал Холтц и густая краска залила его лицо. Смит улыбнулся.

— Да, вы, конечно, не из тех людей, которые желают женитьбой поправить свои растроченные дела! — съехидничал он.

— Вы дорого заплатите за это! — зло огрызнулся Холтц.

— Случайно не теми ли деньгами, которые украдены из могилы? Не собираетесь ли вы приобрести на них поместье во Флориде?

Красное лицо Холтца сделалось смертельно бледным.

— Что скажет Питер, когда я сообщу ему какие деньги вы таскаете в деревню? — продолжал Смит. — И что он предпримет, когда я ему укажу, откуда вы украли это золото?

— Он... он убьет меня! — пробормотал, заикаясь, Холтц. — Несомненно! А он будет здесь с минуты на минуту. В уплату за мое молчание вы должны сообщить м-ру Андрию, что вы паршивый щенок и просите прекратить ваше брачное дело с мисс Ренфро.

— Я... я сделаю! — проговорил, запинаясь, Холтц.

— И, кроме того, — продолжал Смит, — вы скажете мне, что вы сделали с украденным вами завещанием.

— Я уничтожил его, — ответил Холтц.

— Прекрасно, это — единственный хороший поступок, который вы сделали за все время. Больше я в вас не нуждаюсь, можете собрать ваши вещи и в течение получаса убраться отсюда, если не хотите, чтобы я сдержал свое слово.

В этот момент в дверях появился Питер Пятый с дымящейся сигарой во рту.

— Вы были единственным человеком из всех присутствующих, который нисколько не удивился, когда м-р Андрий сообщил об убийстве вашего отца, — произнес Смит. — Вы знали это? Вы не из тех людей, которые, зная это, могли оставаться спокойными. Что вы сделали с шеф-фером Джемсоном? Вы убили его?

Питер продвинулся вперед своей огромной фигурой и одулся на могилу своего пра-пра-прадедушки.

Он подвинулся несколько по направлению к изголовью, прежде чем ответить, и вынул изо рта сигару.

— Об этом не трудно догадаться! — произнес Смит. — Что бы вы сделали с убийцей вашего отца? Но убить его мне все же не удалось.

— Как так?

Питер усмехнулся.

— Я не догнал его, он кинулся от меня стрелой. Если желаете знать, как он погиб, пройдите к тому месту, где я обычно купаюсь и взгляните вверх на башню, или же посмотрите из окна библиотеки вниз. Он отправился тем же путем, каким Питер Второй.

СЕКРЕТНЫЕ ЧЕРНИЛА.

Представьте себе, что в один прекрасный день вы получаете открытку и вместо сердечного осведомления о вашем здоровье и делах, видите, что ваш друг ограничивается повелительной и странной фразой: «Не бросай. Жди дальнейших извещений!». Слова эти написаны совсем мелко внизу открытки. На оборотной стороне значится адрес и имя отправителя. Такой лаконизм мог бы показаться оскорбительным, если бы следующее письмо не объяснило весь его живой интерес.

И вот его ключ:

«Милый друг! Представляю себе твое «умное» лицо при получении моей первой открытки, но не сердись, я хочу развлечь тебя немного. Секрет здесь вот в чем. Сходи в аптеку и раздобудь несколько капель тинктуры иода, это иод, растворенный в винном спирте. Эту тинктуру очень сильно разбавь денатуратом. Не посади, однако, пятен на свое платье! Затем, возьми кусочек ваты, помакни сперва в простую воду и смочи ею всю открытку. После этого возьми еще один кусочек ваты и накапай на него несколько капель разжиженного раствора иода и опять слегка пройди по открытке. — Дальнейшее ты увидишь сам. Сердечный привет и т. д.

Проделав все, как сказано, вы можете быть найдете первое письмо не настолько уж сухим и невежливым. Выявив написанные строчки вы, конечно, заинтересуетесь, чем они написаны. И получите такой рецепт.

Средство настолько простое, что его очень легко отгадать. Первая открытка написана крахмалом. Нужно взять горсточку крахмала, величиной с наперсток, небольшим количеством воды, развести кисель и как раз столько влить в него горячей воды чтобы получился очень жидкий клейстер. Это и будут секретные чернила одного вида. Выполняв сказанное и дав открытке просохнуть вы не увидите на ней ни одного пятнышка. Однако, хорошо иметь для этого очень мягкое небрызгающее перо, чтобы не оцарапать волокон бумаги.

Эти чернила тоже годятся и для того, чтобы на испанной обыкновенными чернилами открытке между строчек вписать какие-нибудь секретные извещения. Во многих случаях жизни это очень удобно. Ни в ком открытка не возбудит никаких подозрений, ибо все самое обыкновен-

ное и незначительное, будет написано спокойными синими чернилами. Самое же интересное откроется только тому, кого вы хотите уведомить. Такую открытку или письмо вы можете дать прочесть решительно всем, а затем наедине, при помощи раствора иода, прочтете написанные для вас секретные строчки.

Однако, эти прекрасные белые чернила имеют одно неприятное качество. Они очень скоро портятся и каждый раз вам придется стряпать новую порцию. Хотя это настолько просто и дешево, что вряд ли послужит серьезным препятствием.

Вот и еще несколько рецептов секретных чернил. Приготовьте очень жидкий раствор желтой кровяной соли (железисто-синеродистое кали) и этими бесцветными чернилами напишите письмо или открытку. Пользуйтесь опять-таки мягким пером. Написанное сушится медленно, отнюдь не у жаркой печки. Само-собой разумеется, что адрес надо писать обыкновенными чернилами, иначе самое пламенное письмо тут же на почте угодит в мусорную корзину. Своим друзьям сообщите (до или после), что таким же бесцветным раствором железистого кали они сделают строчки видимыми. Как только лист бумаги опустится в такой раствор, написанное окрасится в густой синий цвет, все остальное останется белым.

Можно употреблять также и серную кислоту (купорс), но только в сильно разжиженном состоянии. Особенно же нужно следить, чтобы не накапать на платье, ибо кислота прожигает дыры. Сильно разбавленная кислота перу вреда не принесет, если им даже неоднократно пишут. Однако, для писем такие чернила не пригодны, ибо, спустя некоторое время, кислота уничтожает бумагу и из написанного многое теряется. Зато знакомых своих вы можете сильно заинтриговать, так как в этом случае строчки выявляются самым быстрым и неожиданным способом.

— Опять жидкостью? — спросите вы.

На этот раз нет, куда проще. — Жаром! Летом зажженной спичкой поводите под бумагой взад и вперед, а зимой положите на горячую печь. Из этого, однако, не следует, что письмо нужно разом спалить. Строчки станут не синими, а наоборот, темными, почти черными.

Таковы три вида секретных чернил.

(Исторический рассказ).

Эрмитажные собрания при Екатерине II имели особый характер, чем вообще собрания при дворе, балы, спектакли и проч.

Великая актриса на жизненной сцене, властолюбивая, сластолюбивая, ревниво охраняющая свое царское своеволие, на многолюдных собраниях являлась во всем блеске и величии своего могущества.

На эрмитажных собраниях в кругу близких, облаканных ею лстецов и любовников она играла роль гостеприимной хозяйки, позволяла умеренную шутку, покровительствовала влюбленным и поощряла разорительное мотовство.

И только избранные могли попасть на эти собрания.

В этот вечер эрмитажное собрание представляло особую занимательность. Приглашенные чувствовали себя возбужденными. Нарышкин весело скользил между кавалерами и дамами и удовлетворял любопытство каждого.

— Кто такой барон? Барон Вольдемар фон-Концелен? Неужели вы не знали до сих пор? Это знаменитый чудодей, его называют вторым Калиостро, маг и волшебник.

— Скажите, правда, что он продал свою душу? — спросила хорошенькая Наталья Воронцова.

— Продал душу? Я не знаю этого, но что он приятель Вольтера, это так, а уж это одно говорит кое-что на счет его дел с душой.

Нарышкин улыбнулся и отошел в сторону.

Шувалов говорил:

— Он провел с государыней добрые полчаса и представил ей письмо от Вольтера.

Безбородко понюхал табак, прищурил один глаз и сказал:

— Вообще я не верю ни в какие колдовства и волшебства. Пусть уверяют десять Вольтеров, а все-таки думается мне, что это просто человек упрямый.

— Сегодня увидим, — ответил Шувалов.

Главный интерес вечера заключался в том, что в Петербург ко двору прибыл из Парижа барон Вольдемар фон-Концелен, известный богач, чудаки и изобретатель. Приехал и привез с собой сделанный им автомат, который великолепно играл в шахматы и возбуждал всеобщее удивление.

И вот сегодня на эрмитажном собрании он, по приглашению Екатерины, должен был показать это чудо искусства. Все ждали с нетерпением выхода Екатерины.

Нарышкин несколько раз подбегал к Шувалову и спрашивал:

— Автомат-то здесь?

Шувалов кивал головой и отвечал:

— В соседнем апартаменте.

— А барон?

— Не отходит от него ни на шаг.

Открылась дверь и в зал вошла Екатерина. Улыбаясь и общим поклоном поздоровавшись с гостями, она сказала:

— Ну, а где же наш чудодей?

Шувалов тотчас распахнул двери, и в зал вошел сухощавый, одетый во все черное, барон Вольдемар фон-Концелен. Он отвесил низкий поклон государыне и остановился перед ней. Она кивнула и сказала:

— Ну, что же, барон, сегодня мы будем играть в шахматы с вашим механическим созданием?

— Мой автомат к услугам вашего величества, — ответил барон и подал знак.

Шувалов, в свою очередь, подошел к дверям, и два капельдинера, одетые в красные камзолы, с большим усилием вкатили на колесах большой высокий ящик, на котором недвижно сидела человеческая фигура, одетая в дорогой кафтан, с неподвижным, застывшим восковым лицом, с бессильно висящими ногами. Перед нею находился стол с шахматной доской, на котором стояли красивые фигуры. Направо от стола стояла колонна с бархатной подушкой и на этой подушке недвижно лежала правая рука автомата.

Барон указал место, где установить автомат. Лакеи подкатили его и, установив, вышли, пятясь в двери спинами. Барон подошел к фигуре, завел ее сзади большим ключом и затем с низким поклоном сказал:

— Если вашему величеству угодно узнать способность моего автомата, я предлагаю вам подойти к столу.

Екатерина любила играть в шахматы. Она даже считалась хорошим шахматным игроком. Вероятно, это происходило потому, что в то время коронованным особам при игре в шахматы рискованно было говорить «шах и мат».

Она с улыбкой села перед автоматом и сделала первый ход. Недвижно лежавшая правая рука приподнялась, неуклюже подвинулась налево, взяла фигуру, подняла и твердо поставила ее на новое место. Екатерина сделала второй ход, автомат ответил ей тотчас. Все с вниманием стали следить за игрой. Игра развивалась

все напряженнее и напряженнее. Екатерина сначала с улыбкой, потом уже нахмутив брови начала обдумы-

— Это очень интересно, — сказала она, откидываясь в кресло, — неужели это механическая фигура?

вать свои ходы, но автомат не оказался придворным, и она поспешила прекратить игру, не желая получить мата.

Барон поклонился.

— Я думал над этим автоматом более пятнадцати лет, прежде чем выполнил эту удивительную работу.

— Действительно, я поражена, — сказала Екатерина, — вы создали, барон, восьмое чудо.

— Может быть, сыграете вы? — обратилась она к Потемкину.

Потемкин поклонился и ответил:

— Где уж мне играть с таким игроком! Мне в пору просто шашками двигать.

Екатерина улыбнулась и обратилась к французскому посланнику.

— Граф, я хочу, чтобы вы сыграли. Покажите свое искусство.

Посланник тотчас присел к столу и сделал первый ход. Автомат ответил ему. Игра завязалась. Граф играл шутя и болтая и нечаянно сделал конем неправильный ход. Автомат тотчас протянул руку, взял его коня и поставил его на прежнее место. Все засмеялись.

— Нет, граф, это хоть и машина, но ее не обманешь, — сказал Потемкин, — играйте внимательнее и все-таки проиграете!

После нескольких ходов граф должен был признать себя побежденным.

— Это удивительно! — раздались кругом возгласы и все с интересом стали рассматривать механическую фигуру и шахматный стол. Автомат был сделан, видимо, из металла, прикрытого дорогим камзолом. Когда стучали пальцами по частям этой фигуры, то ясно слышался металлический звук.

Во время игры в шахматы все слышали шум от движения колес внутри автомата, которого барон несколько раз заводил большим ключом.

Барон с улыбкой смотрел на разодетых придворных, разглядывавших его автомата с видом понимающих людей. Сеанс был окончен и Екатерина сказала барону:

— Может быть, барон, вы захотите с нами поужинать?

— Благодарю, ваше величество, я привык ложиться рано спать, — ответил барон и поклонился.

— Надеюсь, что вы не откажете доставить нам удовольствие сыграть с вашей фигурой еще несколько раз?

— Я и мой автомат всегда к вашим услугам, — ответил барон.

По знаку Шувалова снова явились лакеи в красном и увезли автомат. Барон поклонился и быстро вышел.

Едва он скрылся, как со всех сторон слышались возгласы удивления.

— Я прямо дрожала от страха, — воскликнула Воронцова, обращаясь к изящному Мамонтову, новому любовнику Екатерины. Мамонтов только улыбнулся и смотрел на одну Екатерину.

— Не правда ли, как поразительно? — сказала она. — До чего может дойти человеческий ум.

— Я все-таки продолжаю думать, что в этой фигуре отлично человек спрятан, — сказал Безбородко.

— Он бы там задохнулся.

— Человек должен быть карликом. Ведь ноги сделаны из ваты.

Безбородко пожал плечами.

— Ничего не знаю, и говорю то, что мне кажется.

— Но он ее заводил ключом, — воскликнула Воронцова, — мы все слышали, как шумели колеса и звенела пружина.

— Пружины и колеса! Почему это не проделать ему просто для мистификации?

Екатерина погрозила пальцем.

— Вы известный невер, и, кажется, не поверите и тогда, если он перед вами разберет по частям свою машину.

— Князь, — обратилась она к Потемкину:

Потемкин тотчас же наклонился к ней:

— Я непременно хочу, чтобы барон продал мне этого автомата. У нас будет тогда в Эрмитаже одно из самых удивительных чудес. Я слышала, его хотел купить скряга Фридрих. Мы можем заплатить гораздо больше барону. Пожалуйста, похлопочи об этом.

— Твои слова, государыня, — закон. Если тебе он нужен, тогда он у тебя и будет, — с поклоном ответил Потемкин.

Весь остальной вечер только и было разговору, что об автомате.

В одиннадцать часов Екатерина поднялась, сделала общий поклон и по обычаю удалилась в свои апартаменты. Мамонтов скрылся почти тотчас. Оставшиеся продолжали еще рассуждать об автомате, а затем один за другим оставили дворец.

Это было в декабре 1782 года.

Второй раз Екатерине играть с автоматом не пришлось. Соотечественник Концелена, барон Кобенцель, успел предупредить его, что Екатерина желает приобрести автомат и что за это дело взялся сам Потемкин. Барон почувствовал, что ему грозит опасность и быстро, с помощью того же Кобенцеля, успел уложить свою машину и ускакать из Петербурга.

Когда наступило время второго эрмитажного собрания, барон со своим автоматом был уже далеко, и никто в точности не мог сказать, по какой дороге он уехал.

Потемкин был в ярости и ходил мрачнее тучи.

Екатерине говорили: барон побоялся, что его автомат получит мат.

И барон, действительно, успел избежать опасности навсегда расстаться со своим удивительным автоматом.

Автомат этот — не выдумка. Он существовал, был знаменит и в свое время производил сенсацию по всей Европе. И Вольтер и Руссо, и Дидро интересовались автоматом, а Даламбер так им увлекся, что поместил подробное его описание в своей Энциклопедии.

Разговоры и споры об этом автомате не прекращались все время его существования, и он породил целый ряд самых разнообразных догадок.

Одни подозревали в этом «черную магию», тем более что одновременно с бароном Европу удивлял знаменитый Калиостро. Другие говорили, что это действие электричества, в сущности, не понимая еще, что такое электричество и, наконец, Левдер в своей книге «Разоблаченная магия» высказал то мнение, что и Безбородко, а именно, что в механической фигуре спрятан настоящий человек.

И они оказались правы.

История эта разоблачилась только впоследствии и может послужить прекрасной темой для занимательной повести.

В 1772 году произошел, как известно, варварский раздел Польши. Истые патриоты-поляки никак не могли с этим примириться и, время от времени, поднимали восстания, мечтая с оружием в руках вернуть свои права. Такое частичное восстание было и в 1776 году, когда один из ливонских полков внезапно напал на русский отряд, одержал победу и двинулся к Варшаве, возбуждая население. Против него было выслано несколько полков и повстанцы были разбиты. Раненые и взятые в плен поляки дорого заплатили за свое воодушевление. Почти все они были казнены смертью. Убежавших объявили вне закона, при чем за офицеров назначили большие награды. В числе таких оказался и польский капитан Вронский. Во время сражения ему снарядом ото-

рвало обе ноги. Его уже успели захватить в плен, но несколько польских гусар отбили его и успели тайком увезти в Варшаву, где он нашел приют у одного русского доктора, по фамилии Олова. Этот доктор принял в нем большое участие. Вронский представлял очень интересный для того времени хирургический случай, и доктор успел излечить Вронского, ампутировав ему обе ноги.

Красавец капитан, умный, образованный, остался навсегда калекой.

Олова привязался к своему пациенту, но все же тяготился его пребыванием у себя, так как был вынужден его тщательно прятать.

В это время к нему приехал его старый друг и приятель знаменитый барон Концелен. Барон был известен по всей Германии, как богатый человек, своими эксцентричностями, а также и механическими фигурами, которые он постоянно изобретал. Олова тотчас познакомил его с капитаном Вронским и рассказал об его положении. Барон заинтересовался им и тут же испытал на себе его изумительное искусство в шахматной игре.

И вот у барона явилась мысль создать новый автомат для игры в шахматы. Он с помощью Олова сумел перевезти капитана через границу и тайком доехать до своего имения, где и стал изготавливать свой знаменитый автомат. Он сделал великолепную фигуру, заказал восковую голову, сделал шахматный стол, а затем механическую руку.

В эту механическую фигуру он поместил капитана Вронского и, таким образом, создал самого удивительного автомата в мире.

В 1778 г. изумительный автомат впервые появился при дворе прусского короля, Фридриха. Фридрих был поражен хитрым механизмом этого автомата. Он предлагал крупную сумму Концелену, но тот категорически отказался от продажи. После этого он переехал в Париж, где удивил Вольтера, Руссо, и весь цвет французских энциклопедистов с Даламбером во главе. Затем был в России, где чуть не попался Потемкину, успел уехать из Петербурга и снова явился в Париже, удивляя всю Европу.

За это время барон искренно привязался к польскому капитану Вронскому и они жили душа в душу. Несчастный человек был бесконечно благодарен барону за то, что он устроил ему и обеспеченную жизнь и спокойное пребывание. Так они жили долгое время.

Известно, что в 1809 году Наполеон пожелал играть с этим автоматом. Придворные окружили игроков. Наполеон сел против автомата и сначала стал играть серьезно и внимательно, но когда увидел, что партия его клонится к проигрышу, стал нарочно делать неверные ходы. Автомат каждый раз поправлял его ошибки;

наконец, рассердился, смешал фигуры и игра окончилась.

В смутное время 1813 года, когда Наполеон делал последние усилия, защищаясь от союзных армий и оканчивая дни своей авантюры, автомат-шахматист внезапно исчез.

Вскоре умер и барон Концелен. Наследники его, вместо автомата, нашли только куски железа и испорченный механизм. Эти остатки железа и механизма куплены были каким-то старьевщиком в Париже.

Так завершилась карьера капитана Вронского, таково удивительное изобретение барона Концелена и такова история знаменитого автомата-шахматиста.

В действительности, этот автомат, или вернее, капитан Вронский, в шахматы играл довольно искусно. Повидимому, он был даже первоклассный игрок и в руководстве Дюффрена сохранилось несколько его партий, которые поражают остроумием комбинаций. Можно сказать, что в лице его шахматный мир имел крупного игрока, равного Филидору.

Прошло очень много лет и в конце прошлого столетия такой автомат был повторен в Америке и появился сначала в Чикаго. Изумительная игра поразила всех американских шахматистов, и в течение года этот автомат объехал все крупные города Америки, нанося поражения всем местным чемпионам.

Но через год тайна автомата раскрылась.

Ловкий антрепренер спрятал в механической фигуре знаменитого впоследствии шахматиста, тогда еще молодого человека, Пилсбери.

Великий маэстро пробыл в неволе год и далее не захотел возобновлять контракта, вылез из металлического футляра и стал одерживать победы уже в личную свою пользу.

Интересна его дальнейшая карьера. Он быстро достиг мировой известности.

В конце прошлого столетия он был в Петербурге на знаменитом турнире «4-х» — Ласкер, Чигорин, Стейниц и он, на котором взял второй приз (Первый — Ласкер).

После этого он уехал в Америку и стал показывать «чудеса» памяти, зарабатывая бешеные деньги.

Он играл в бридж (в карты) и одновременно, не глядя на доски, играл 12 партий в шахматы и 12 в шашки, при чем не знал проигрыша.

В результате он сошел с ума и 26 лет от роду умер.

Такова история автоматов-шахматистов, но человеческая изобретательность не знает предела и может быть будет устроен такой автомат, который затмит славу прелыдущих и перед которым спасуют и Ласкер и Капабланка.

А. З.

Загадочная картишка

Рыбак рыбачит весь день, а поймал всего одну только рыбу.

Где же она?

БРАТСТВО

Рассказ С. ВЕНТУРА.

Этот человек, мой приятель и спутник многих дней моей жизни, говорят, пытал в огне и отмечал раскаленным железом индейцев, которые, чтобы обогатить его, работали над добыванием сока каучуковых деревьев в долине Амазонки. Было ли это гнусной ложью? Он никогда об «этом» не говорил; однако, «это» было подробно описано в объемистой официальной переписке, возникшей между республиками Чили и Перу по шумевшему делу, известному под названием «Ужасы Путумайо».

Сэр Роджер Кэзмен — так звали этого рафинированного ирландца, делегированного в Перу одним из крупнейших пуританских союзов Лондона с целью заклеить

читать змеиный укус, Смит, мой служащий, вел себя неизменно, как истый джентльмен. Я никогда не пытался узнать у него, чем он занимался на континенте Старого Света до того времени, как случай свел меня с ним на плоту, мчавшем нас к смерти среди пенящихся волн перуанской реки. Этот безукоризненный британец уложил на месте индейца — предателя, задавшего себе целью опрокинуть плот и ограбить нас, управился с веслами с искусством лучшего оксфордского спортсмена и вывел нас из бурлящего водоворота. Потом, с невозмутимым хладнокровием он бросился в воду, чтобы спасти свою собаку, редкого по красоте нью-фаундленда.

Обезьяна, с ужимками влюбленной самки, вплотную приблизилась к моему другу

наши варварские нравы. Прожив там много лет, он во время мировой войны вернулся обратно в Лондон и наши бывшие дружеские отношения снова возобновились. Никогда он словом не обмолвился о своей «деятельности» в Перу. Только один раз, правда, когда мы вместе остановились перед роскошной витриной на Пикадилли, рассматривая выставленные там красные галстуки, он задумчиво произнес: «Совсем как кожа человека, из которой сочится кровь». Но мало ли что создает фантазия человека в эти туманные вечера, заволакивающие Темзу... Воскресные дни мы проводили обычно в турецких банях, и вот, однажды, когда, лежа в предбаннике, укутавшись в белоснежные простыни, мы любовались игрой робкого солнечного луча на разноцветных стеклах окна, он поведал мне следующий странный случай из его перуанских воспоминаний:

— В серьезных случаях, когда приходилось переплывать реку под дождем индейских стрел или когда он поджигал щепотку пороха на своей левой руке, чтобы зале-

С этого дня я принял его на службу и вскоре мы стали великолепно понимать друг друга, почти никогда не разговаривая, так как он от природы был молчалив и, на подобие большинства своих соотечественников, никогда не решился бы заговорить на другом языке, кроме английского... Однако, я несколько уклонился от своей темы, а мне, главным образом, хотелось рассказать вам о своеобразной смерти, постигшей его. Слушайте же меня внимательно.

Прошло уже двое суток, как мы без капли воды, без крошки продовольствия с трудом подвигались вперед густым лесом, подавленные его жутким полумраком и ночным шорохом. Я знал, что Смит был укушен своей взбесившейся в пути собакой, однако, точно движимые какой-то странной застенчивостью, ни один из нас не обмолвился ни единым словом об этом происшествии. Только одно лишь стремление придавало нам еще бодрости, подстегивало нас среди непроходимой лесной чащи: во что бы то ни стало,

и как можно скорее достигнуть моей фермы, находившейся по соседству с Иквитос, другими словами, того единственного пункта, где мы рассчитывали найти хины против лихорадки — для меня, и какого-нибудь лекаря, белого или краснокожего — для Смита. Собака следовала за нами, рыча, и у нас не хватало силы воли прикончить ее.

Я не раз замечал, как Смит принимался по временам как-то странно жестикулировать. Вдруг, — то был вероятно последний момент, когда сознание еще не покидало его, — он подошел ко мне и протягивая свой браунинг быстро проговорил, перемешивая французские и английские слова:

— Если это случится, вы убьете меня, не правда ли, сэр? All right!

После этих слов его лоб покрылся красными пятнами, как это бывает у стыдливого больного, открывшего после долгих колебаний врачу свою болезнь. Когда мы достигли опушки леса, он сразу потребовал у меня свою порцию хуарапо, напиток, который он ставил выше лучшего виски. Желая удержать его от этого намерения, я осторожно наклонился к нему, что тресникового алкоголя вреден при постигшем его несчастии, но он сверкнул на меня своими налитыми кровью глазами хищного зверя и стал рычать — да, именно рычать — нагнувшись к своей собаке, которую я, не предупредив его, только что пристрелил. Тогда, стуча зубами, как больной в лихорадке, с желтой пеной, сочившейся изо рта, он бросился на меня. Мне удалось во время завязавшейся борьбы, которая продолжалась впрочем очень не долго, привязать его стоя к дереву, но выполнить его последнюю волю я все же не решился.

Что было делать? Сразу убить его или же бросить там, еще живым, среди лесных хищников? То были, уверяю вас, страшные, жуткие часы. Приступ бешенства всецело охватил его. Передо мной был уже зверь, багровый зверь с высунутым и повисшим книзу языком, жилы которого вздувались в нечеловеческом усилии рычать и звать к смерти. Стоя, устремив в одну точку безумно-свирепый взгляд, он не переставал лаять. Всякое подобие

человека уже исчезло: то был корчащийся зверь, попавший в ловушку.

Вдруг, во мраке, среди той непроницаемой темной пелены тропического леса, которая страшнее самой смерти, я стал различать какие-то спускавшиеся сверху силуэты. Понадобились две-три бесконечно длинных минуты, чтобы убедить меня, что тени эти были не индейцы, а внезапно появившееся небо осветило странную, я сказал бы фантастическую картину.

Привлеченные криками и жестами, обезьяны пришли сказать свое последнее прощание этому странному и буйному брату их, речь которого уже перестала быть человеческой. Сначала робко, точно с опаской, они вплотную окружили Смита, кувыркаясь у его ног и отвечая на его безумные взмахи руками какой-то безнадежно-непостижимой мимикой. То была тоже речь, своеобразная речь явной симпатии, обращенная к угасающему человеку, вновь вернувшемуся в лес, в семью своих гримасничающих братьев. Вся группа обезьян хором испускала какие-то сладкие, нежные звуки и — как бы это вам точнее передать, — выражала нечто в роде дружеского соболезнования, от которого у меня по спине пробегал холодок. С целью отогнать их от опушки леса, где мы находились, я кидал в них — правда, безуспешно — сухие ветки.

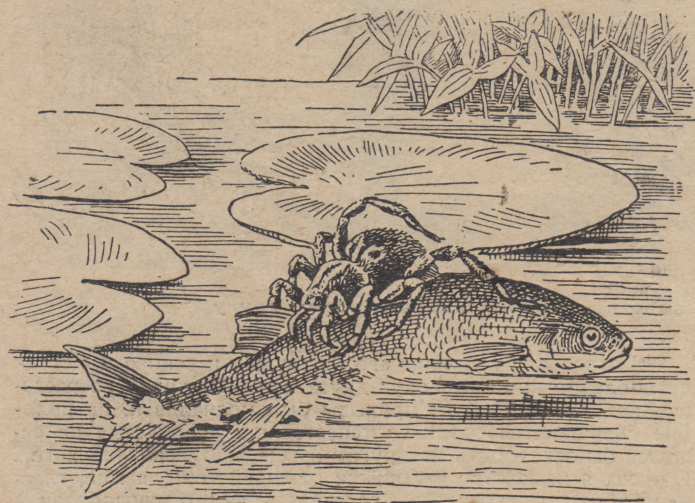
Скажите, в каком музее мне удастся отыскать картину человеческой нежности, с которой я мог бы сравнить уморительную мимику, трогательную болтовню, все это проявление сочувствия перед отлетавшей человеческой душой, которое вызывало у меня отвращение и в то же время влекло к себе?

Бедный Смит, сжав посиневшие губы, с мутными слезами, все еще продолжавшими катиться по багрово-красному лицу, только что испустил дух... Вдруг, я увидел, как огромная разгоряченная обезьяна, с ужимками влюбленной самки, вплотную приблизилась к моему другу с целью, быть может, надругаться над ним. Тогда я в упор выстрелил в нее из браунинга покойника, а мои слуги — индейцы нашли меня два дня спустя на том же месте, полуумным, выкрикивавшим какие-то непонятные слова на обезьяньем языке.

СТРАННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

ПАУК-РЫБОЛОВ.

Во многих водоемах Америки встречаются крупные пауки, которые настолько сильны, что кроме мелких наземных животных, нападают нередко на небольших рыб и пожирают их. Паук обычно выбирает для этого наблюда-

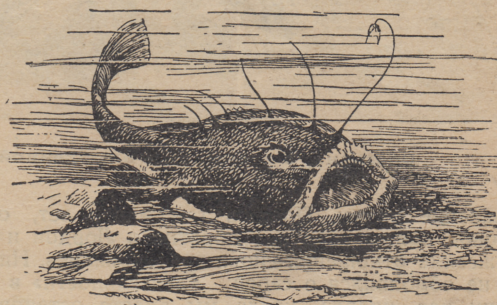

тельный пункт где-нибудь над водой — на ветке дерева или на прибрежном камне. Выглядывая отсюда свою добычу, он улавливает удобный момент и падает на спину рыбы, плывущей у поверхности. Запустив свои острые челюсти в тело рыбы и уцепившись за нее ногами, он носится на ней до тех пор, пока измученная рыба не подойдет. Тогда паук вытаскивает ее на берег или на лист водяного растения и здесь пожирает.

РЫБА-ПТИЦЕЛОВ.

Много различных птиц живут по берегам рек, озер и морей, проявляя нередко большую ловкость в искусстве ловить рыбу под водой. Но до последнего времени ничего не было известно о рыбах, которые умели бы ловить птиц.

Недавно французские рыбаки нашли двух птиц в желудке пойманного ими морского чорта. Морской чорт (см. рис.) — небольшая сравнительно рыба (около 50 см), обитающая у берегов западной Европы; у нее, как видно на ирисунке, огромная голова с широким ртом, густо усажен-

ным зубами, а над головой на тонком жгуте висит клочек кожи. Обычно чорт мирно лежит на морском дне, покачивая свой жгут над головой; мелкие рыбешки, привлекаемые движением жгута, подплывают к нему и тотчас попадают в зубастые челюсти. Две птички, подвергшиеся той же участи, были тупик и капра; обе они известны как охотники за рыбой, за которой они ныряют в воду даже на значительную глубину. Эта охота, очевидно, и послужила их гибели: нырнув вглубь, они попали в раскрытую пасть морского чорта.

ГЛАДИАТОРЫ НАШИХ ДНЕЙ

В древние времена, в античном Риме, гладиаторы услаждали ревущую в амфитеатре толпу кровавыми зрелищами смертельной схватки человека с человеком или человека со зверем. Прошли века и люди стали как-будто мягче и человечнее, но гладиаторы, забавляющие праздную толпу напряженным ожиданием своей собственной смерти, не пегевелись и до сих пор. Они только видоизменились и треплют изношенные нервы усталых от безделья и всем пресытившихся буржуазных кругов новыми формами зловещих трюков.

На высоте 20-го этажа с завязанными глазами.

Вот, перед нами С. Смит, американский кровельщик, который с завязанными глазами ходит по узкой перекладине между двумя фермами строящегося в Нью-Йорке небоскреба, на высоте двадцатого этажа. Эту рискованную прогулку м-р Смит проделывает очень свободно и утверждает, что она его «омолаживает», так

лоб одной артистки, уложенной на самый край крыши одного из нью-йоркских же небоскребов. Спортсмен поднимает свою палку, и со свистом далеко сшибает положенный на лоб шарик.

Правда, в опасные положения часто попадают не только профессионалы «трюкачи». Один из лондонских вокзалов украшен самой высокой часовой башней. И вот, недавно множество народу со страхом наблюдали, как на огромном циферблате копошилась вверх человеческая фигура, которая исправляла и чистила огромные часовые стрелки. Понятно, что сразу же отыскался предприимчивый фотограф, который полез вслед за механиком и удачно снял его за опасной работой.

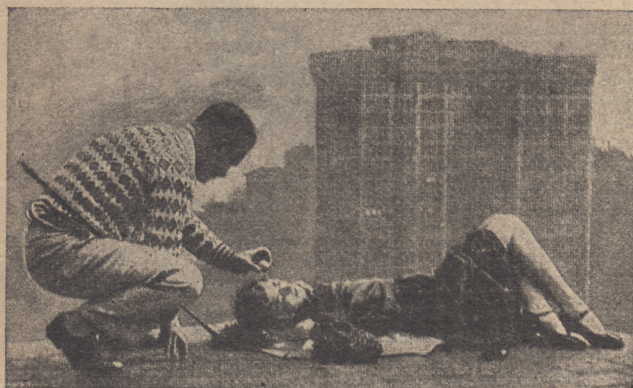
И снова в той же Америке, в расклеенных по городу афишах объявляется о представлениях «Смелычака Вильсона, Человека-Кометы». Он живет тем, что взбирается по лестнице на узенькую площадку, высотой в 18 саженей, натирает здесь бензином свое платье, поджигает его факелом и стремительно бросается вниз, чтобы нырнуть в находящийся внизу бассейн. Американские газеты с похвалой отзываются о его заработках.

Использовано для щекочущих нервы трюков и велосипедное колесо. Некий Вальтер Нильсон забрался в Египет и, как показывает рисунок, катается на одном колесе по неровной поверхности известной пирамиды Хеопса. На его одноколесном велосипеде седло отстоит от земли на расстоянии более сажени. Этой высотой своего седла он и пользуется для следующего трюка: сначала он стоит неподвижно на самом колесе, сохраняя равновесие, а затем неожиданный прыжок вверх и он уже в седле.

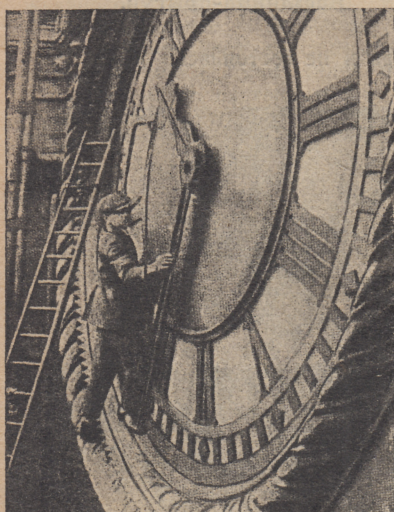
Другой эстрадный артист австралийских мюзик-холлов, Муррей, прославился своим необычайным искусством освобождаться от веревок, цепей и наручников, вылезать из ящиков и сундуков и т. д. Как бы туго ни связывали его, он освобождается с такой быстротой, что трагит не больше того времени, которое нужно человеку для того, чтобы снять с себя узкий свитер. Наш рисунок изображает его висющим вниз головой над цирком «Пикадилли» в Лон-

Прыгает в огненной одежде с высоты 18 саженей.

Современный Вильгельм Телль.

Где неверный шаг ведет к гибели. сломать себе шею.

А на другом рисунке мы видим мирового чемпиона игры в гольф, Джека Редмонда, который кладет шар на

На высоте семидесяти саженей.

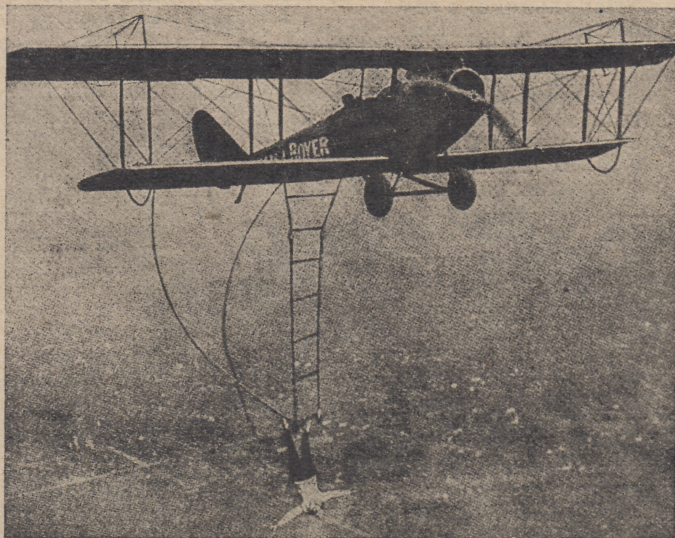
доне. Он туго связан и затянут в длинный костюм, сделанный из твердого и совершенно нерастягивающегося материала. Рукава крепко завязаны, чтобы руки совер-

шенно не могли в них просунуться; туго затянуты веревками на груди и руки. Весь костюм добавочно обвязан вдоль и поперек ремнями. Когда фотограф снйял Муррея в этом положении, он освободился от всех своих многочисленных пут на тринадцатой минуте. Он пояснил после представления, что мог бы проделать все значительно быстрее (у него тот же самый трюк редко отнимал раньше более четырех минут), но он умышленно затянул свое освобождение, чтобы его увидело как можно большее число людей, т.е., иначе говоря в целях рекламы.

Вниз головой на крюке и туго завязанный.

Мотоциклетный гонщик, Матлок, который обычно принимает участие в кино-съемках кино-городка Холливуда, разогнал свою машину до 100 километров в час и на полном ходу врывается в толстое стекло. Раздается словно пушечный выстрел, но ездок благополучно сходит с машины цел и невредим.

Одной ногой за веревочную лестницу.

Хладнокровием и стальными нервами отличаются в разных трюках не только мужчины, но и женщины. Так, напр., мисс Карвер отличается своим необычайным наездничеством. На отлично выезженной для этого опасного скачка лошади она с особой платформой, высотой в шесть саженей, заставляет прыгнуть свою лошадь в находящийся внизу бассейн. Ни одной секунды эта своеобразная наездница не оставляет своего седла за все это время.

Такие же смелые штуки показывает и мисс Дилиан Байер, которая с удивительной ловкостью и уверенностью

карабкается по всем частям летящего аэроплана, когда он находится на высоте нескольких тысяч метров над землей. Наш рисунок изображает ее висящей на одной ноге, которой она зацепилась за веревочную лестницу.

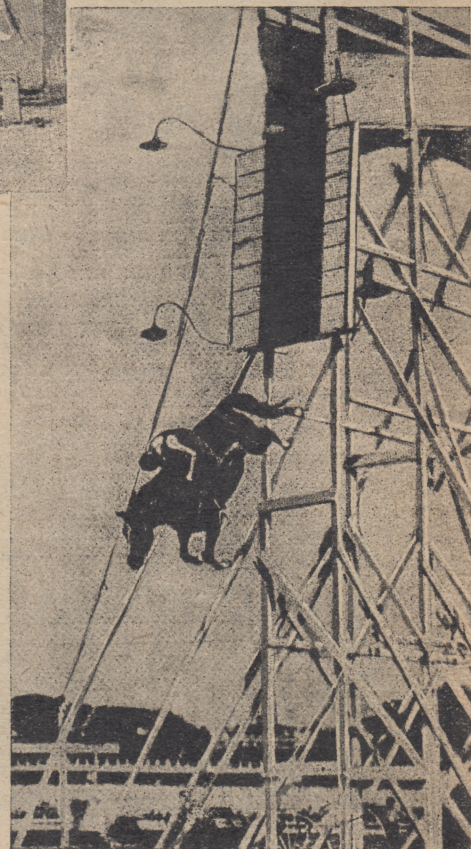

Со скоростью 100 километров через толстое стекло.

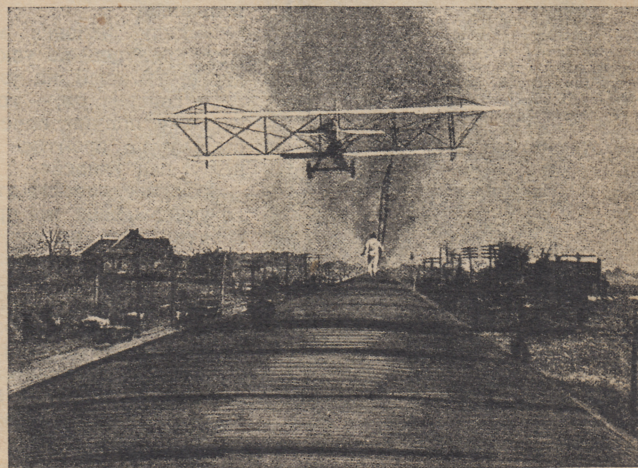
ни и разбился о телеграфный железный столб.

На волосок от смерти был и Барней Роу, который для кино-съемки должен был с крыши вагонов быстро несущегося поезда уцепиться за спущенную лестницу аэроплана. Трижды пытался он выполнить свою задачу и все тщетно. В первый раз он упустил лестницу, во второй раз споткнулся и чуть не слетел с вагона, а в третий раз веревочная лестница зацепилась за телеграфный столб и аэроплан чуть не сбросило на землю.

Четвертая попытка так и не состоялась. О. Б.

Наездница-прыгун.

С мчащегося поезда на летящий аэроплан.

ПРОЛОМ В БУДУЩЕЕ.

Человек упорно пытается прорвать туман неведомого, скрывающий от него будущее. Человек рвется к будущему. Он хочет знать, каков будет мир при его внуках, через сто, через двести, через тысячу лет. Но при всем прогрессе науки и техники проникнуть в будущее нам не дано.

Раз в столетие рождаются люди, как Маркс или Ленин, умеющие гениально предвидеть общий ход развития человеческого общества, узревающие общие формы будущего общежития...

Но узнать, как будут жить люди, как будут выглядеть города, как сложится быт, как будет протекать духовная жизнь в будущем обществе, каким будет внешний и духовный облик человека будущего — этого никто не может предугадать.

В этой недоступной области возможна только художественная фантастика. И мировая литература знает особый вид художественных произведений, протягивающих нити догадок к будущему. Это роман — утопия. Нашим читателям, вероятно, известны несколько устаревшие утопические романы Жюль Верна, многие фантазии которого, — как подводное плавание, завоевание человеком воздуха и др., — очень быстро стали реальностью. Реальностью фейерверочной, гораздо более захватывающей, чем фантазия Жюль Верна... Наиболее известны в мировой литературе утопические романы англичанина Герберта Уэллса — «Когда проснется спящий», «Машина Времени», «Борьба миров» и др. В свое время читатели увлекались утопическим романом Беллами «В 2000 г.», в котором изображается социальный строй будущего. Из русских утопических романов широко известны только три: «Аэлита» Алексея Толстого, в которой автор, изображая Марс, пытается предвосхитить тип выродившегося буржуазного уклада при очень высоком уровне техники; «Красная Звезда» А. Богданова, в котором автор довольно тускло рисует картину социалистического общества и, наконец, малоизвестная книга мелкобуржуазного утописта Кремнева «Путешествие моего брата Кремнева в страну крестьянской утопии». Особняком стоит мрачная книга Ильи Эренбурга «Трест Д. Е.»

И множество других авторов пытались проникнуть в таинственную страну будущего. В прошлые века социальная утопия была наиболее распространенным видом литературы, ратовавшей за справедливый социальный строй. Томас Мор, Фурье и другие представители так называемого утопического социализма, хронологического предшественника научного социализма Маркса и Энгельса, — широко пользовались утопическим романом, как средством для ознакомления читателя со своими идеями.

Современная утопическая литература делится на две резких категории: романы, в которых авторы базируются на сохранении капиталистического строя и романы, рисующие социалистическое будущее человечества. Характерной особенностью всех первых является мрачный пессимизм, спуск в бездны. Многие авторы романов такого рода заглядывают в бездну конца: тут и столкновение земли с какой-нибудь планетой, охлаждение солнца и другие прелестные гипотезы.

Всем утопистам, пытающимся проникнуть в будущее и находящим там капитализм, рисуется мрачная картина. Почти у всех, не исключая Уэллса, мы находим разделение человечества на почти озверевшую массу угнетенных

и выродившуюся кучку угнетателей. Рисуются подземелья чудовищных машин, в которых люди работают безвыходно, как лошади в каменноугольных шахтах. Рисуются люди-машины, потребности которых сведены к минимуму, рабы в самом первобытном смысле этого слова. А там, наверху, в прекрасных садах и воздушных дворцах наслаждаются тысячелетними плодами культуры немногочисленные представители господствующего класса, выродившегося от неумеренных наслаждений, бездельности и дряхлости... Мир идет к гибели...

Утопистам, изображающим будущее в виде торжествующего социализма, наоборот, рисуется счастливое человеческое общество, в котором не будет угнетения человека человеком, не будет войн ни национальных, ни классовых. Труд стал радостью. Прекращение классовой борьбы освободило огромную энергию человечества, которая создала беспредельно-совершенную технику. Благодаря этой технике, люди тратят на производственный труд незначительный отрезок своего времени. Большую часть своего времени люди посвящают искусству, играм, разнообразному спорту, науке и наслаждению жизнью. Наибольшей любовью людей, поднявшихся всей массой на высшие ступени культуры, пользуется талант, в какой бы области искусства или работы он ни проявлялся. Жизнь — вечный праздник...

Итак, до сих пор, в будущее заглядывала только литература, действовавшая только на наше воображение. Теперь в эту таинственную страну неведомого вторгается Великий Немой. Знаменитый немецкий кино-режиссер Фриц Ланг, уже подаривший нам знаменитых «Нибелунгов», ставит новый фильм «Метрополис». Метрополис — город будущего.

Фриц Ланг мыслит свой Метрополис городом логически завершенного капитализма, городом одного человека. Одного хозяина, одного диктатора. Остальные — его рабы или его челядь. Рабы — рабочие, объединенные в роты каторжного типа, а челядь — представители науки и люди организующие труд.

Хозяин города Джо Фредерсен — ничего не делает. Он только распоряжается, воображает и предвидит. Мановением маленькой дерижерской палочки Джо Фредерсена оживают каждое утро фантастически-грандиозные производства.

Самое ценное в фильме то, что зрителю показан город будущего. Показан так, как его представляет себе Фриц Ланг... Мы видим причудливо столпившиеся небоскребы, улицы в несколько ярусов, подземные фабрики и дороги, магазины над пропастью этажей, к которым ведут огромные подвесные улицы. Мы видим непрерывно движущиеся огромные уличные лифты. Мы читаем газеты на вечернем небе. Мы видим, как воздушные экипажи мчатся от дома к дому, от этажа к этажу. Мы видим чудеса воображаемой техники будущего: головокружильные башни, сказочные подвесные сады и море движущихся авто на дне асфальтовых пропастей. Каждый уголок современной техники гиперболически усовершенствован. И перед нами действительно грандиозная панорама, перед нами торжество техники.

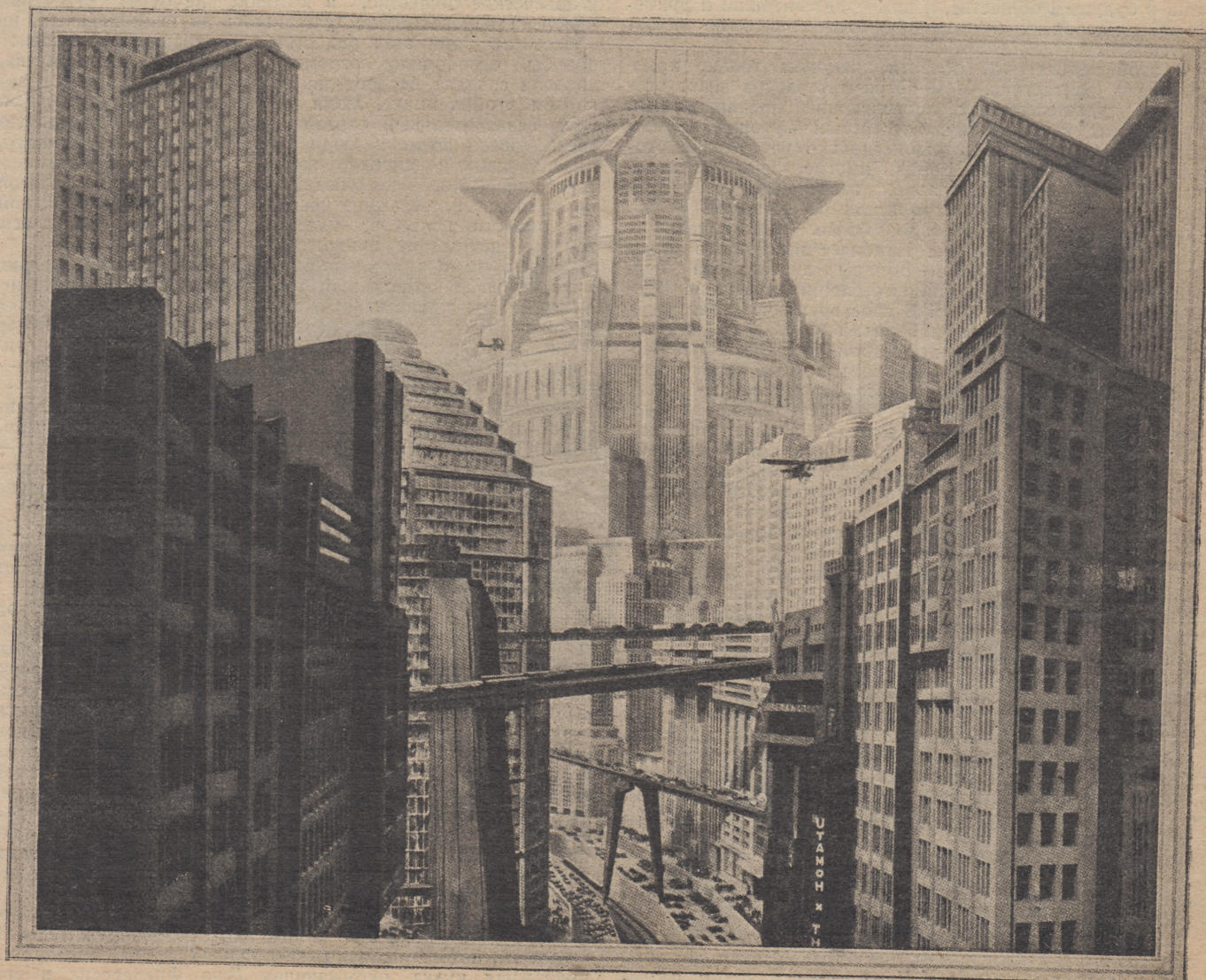
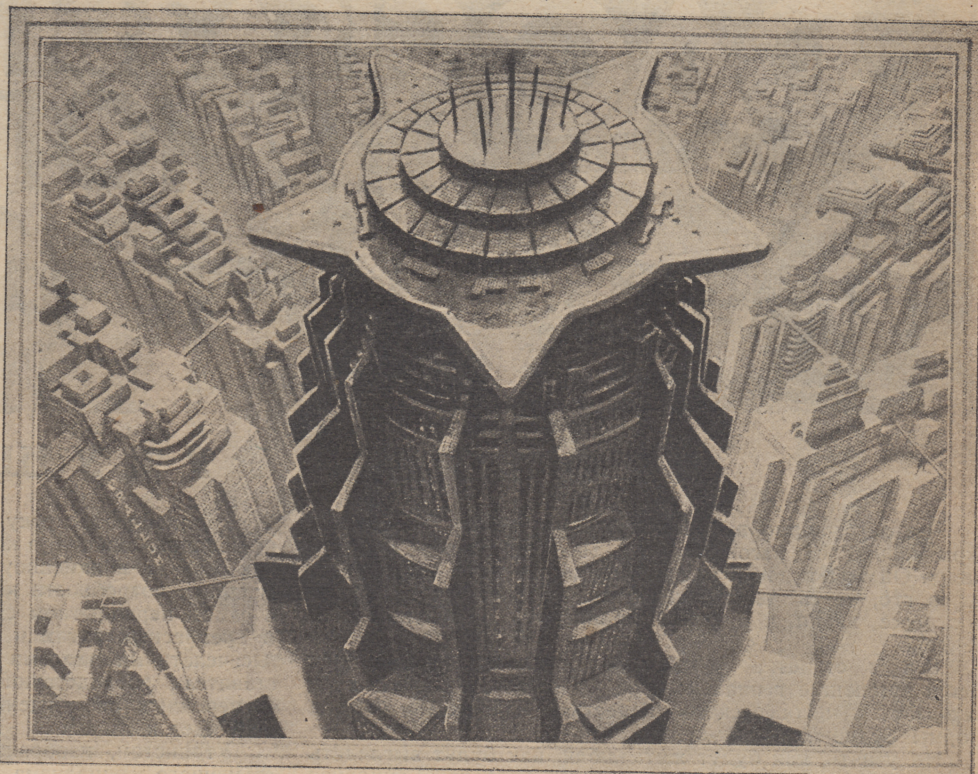
Но одновременно мы видим ужас логического завершения капитализма. Всеми благами головокружильной культуры, всеми плодами каторжного труда, пользуется ничтожная кучка, окружающая Джо Фредерсена и его семью. Весь людской океан города прозябает в страшной

ГОРОД ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

Слева мы видим этот город так, как он представлялся бы нашим глазам с птичьего полета. Эта часть города, покрытая башнями и небоскребами, является «городом удовольствий» и заселена правящим кругом, «властителями». Каждое огромное здание воздвигнуто с математической точностью в своей конструкции, каждое отстоит от другого на одном и том же расстоянии и каждое одинаково с другими.

В каждом из этих зданий может поместиться до тысячи «господ», освобожденных от всякой работы, взваленной исключительно на тех рабов, которые ютятся в «подземном городе».

Здесь миллионы рабочих, доведенных до положения простых рабов, пускают в ход всевозможные двигатели и машины. Живут они в домах, напоминающих своим устройством пчелиный улей. Здесь устроены воздушные и подземные железные дороги, а в ущельях улиц летают всевозможные аэропланы, перевозящие грузы и людей. Массовое производство здесь доведено до таких пределов, о которых и не мечталось известному Генри Форду.

Машинный город под землей.

нищете и каторжном, ненужном, бессмысленном, безрадостном труде.

По наивному сюжету фильма, наивность — типичная черта всех «надклассовых» утопий, во главе угнетенной массы становится сын Джо Фредерсена — Фредер. «Влекомый чувством любви к белокурой Марии, — гласит сценарий, — Фредер решает делать добро обездоленным сынам Темного Города и восстает против отца».

Борьба Темного Города с кликой угнетателей и составляет канву сюжета этого необычайного фильма. Воспользовавшись разгоревшейся классовой борьбой, мрачный ученый Ротвинг пытается свергнуть Джо Фредерсена, чтобы занять его место. Ученый, служивший до сих пор хозяину, отдается борьбе с ним. Для этого Ротвинг изготавливает искусственно копию... Марии и вкладывает в нее зло и раздор. Копия доброй Марии запутывает все отношения в городе и ведет его к катастрофе...

Изумление французской и немецкой печати вызывают отдельные сцены грандиозного фильма. Эта печать восхищается сценой превращения Ротвингом своей женщины-машины в двойника Марии. Огромное впечатление производит «Вавилонская башня», показанная по ходу картины. Прекрасны массовые сцены восстания рабочих. Жутки и величественны картины затопления подземных галлерей.

Весьма любопытно изображены сцены кошмара Фредера — танец «Смерти», окруженный семью Смертными Грехами.

К концу фильма действие нарастает, разражаясь фейерверком невиданных трюков...

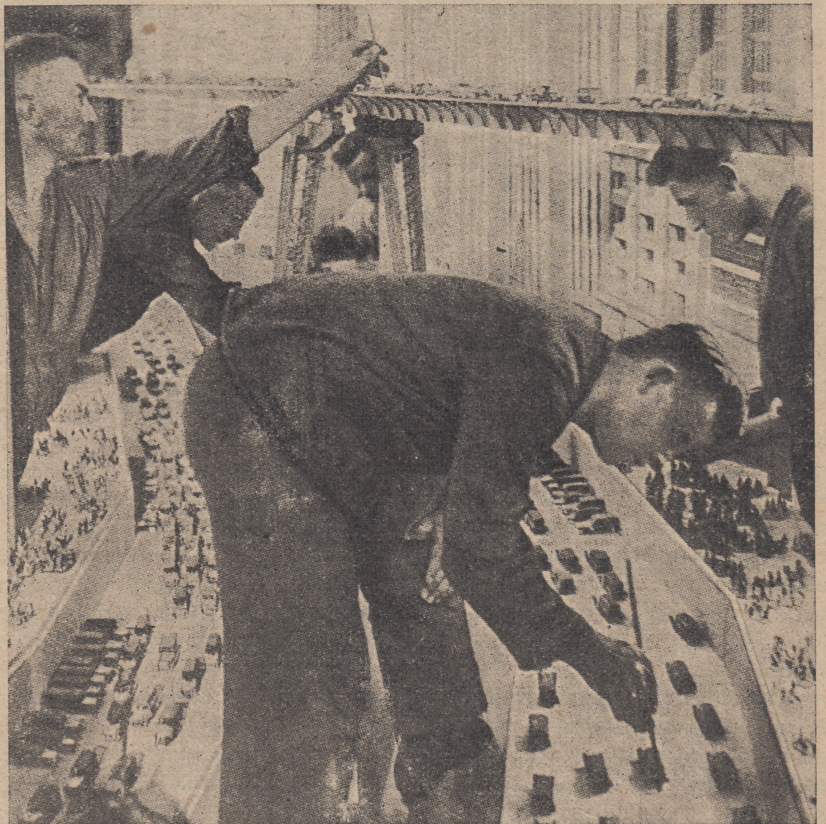
Трюки здесь весьма сложны и подчас требуют огромной работы всех участников фильма. Читателю разумеется, ясно, что для этого фильма Фриц Ланг фантастического города не соорудил, невиданных мостов и огромных подвесных парков — тоже. Все дело в изумительной технике кино и тщательности работы.

На одной из наших фотографий мы видим масштаб «сооружений» — все игрушечное. Мы видим, как достигнуто изображение автомобильного потока. На модели огромной улицы — крошечные автомобили. Рабочие длинной палкой после каждого поворота ручки съемочного аппарата передвигают каждый автомобиль на незначительное расстояние. Новый поворот ручки, опять передвижение «автомобилей» и т. д. Почти ювелирная работа!...

Особенно поразительны трюки с карабкающимися по ребрам небоскребов людьми. Здесь мы имеем еще более простой фокус: на полу лежит бутафорский кусок стены не-

боскреба и артист ползает по ней совсем как... ваш трехлетний братишка по полу. Весь фокус в том, чтобы снять это под нужным углом, все — в искусстве оператора.

Грандиозные масштабы достигаются или повторной съемкой на одни и те же кадры различных изображений, или отдалением актеров от фона на такое расстояние, что по

Как создается на картине огромное автомобильное движение,

закону перспективы этот фон кажется достаточно большим по сравнению с актером, который близок к аппарату.

Так выдумка талантливых людей помогает нам видеть формы будущего мира, правда, воображаемого, но все же чертовски-интересного

Мак.

МОРОЖЕНОЕ В АМЕРИКЕ

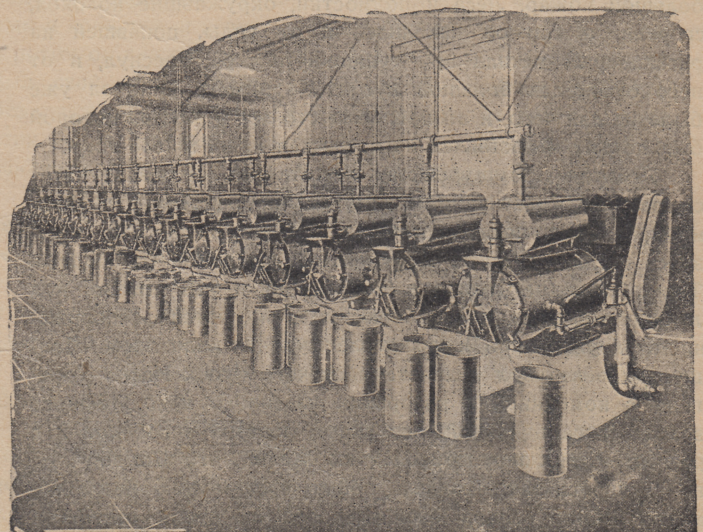
Американцы очень любят мороженое и в жаркое время едят мороженое три-четыре раза в день. При тех деньгах, которыми переполнена страна, в городах с многомилионным населением производство любимого лакомства достигает неслыханных в Европе размеров.

Мороженое изготавливается не случайно или между прочим в кондитерских, а на специальных фабриках горизонтально расположенными машинами с проводами. В каждой машине изготавливается отдельный сорт. На рисунке представлен завод с 18 мороженицами, изготавлиющими столько же сортов мороженого.

Производство в машине занимает несколько минут, после чего мороженица загружается вновь материалом, а готовое мороженое, размазанное слоями по сортам на металлические доски вроде протвиней, поступает в морозилку, где охлаждается до — 20°C, затем разрезается, конечно, машиной на плитки упаковываемые в пергамент и коробки. Коробки укладываются в ящики, которые развозятся по магазинам.

Доведенное до такой степени холода и правильно сваренное из доброкачественных материалов мороженое спокойно выносит хранение целые сутки, в особенности при помощи комнатных ледников.

Понятно, что подобная постановка производства имеет крупные преимущества перед кустарным изготовлением. 1) Возможность санитарного надзора за полнейшей чистотой. 2) Стандартизация товара всегда повышает его каче-

ство. 3) Высокие свойства всех материалов, входящих в дело (фруктовые соки, сливки, сахар, краски и пр.).

А к деньгам, как известно, всегда идут и деньги: отличное мороженое, приготовленное на фабрике, много дешевле плохого кустарного.

(Из легенд русской действительности).

Очерк Н. ЛЕРНЕРА.

Под колокольней Ивана Великого в московском Кремле, в нескольких шагах от «Царь-пушки», которая никогда не стреляла, стоит на особом пьедестале «Царь-колокол», который никогда не звонил... Еще Чаадаев язвительно смеялся над бестолковостью обеих этих достопримечательностей, которым до сих пор дивятся иностранцы и провинциалы, посещающие старую столицу. Огромный колокол, весом более двенадцати тысяч пудов, был отлит при Анне Иоанновне русским мастером Маториным. Ни денег, ни трудов на это нелепое дело не пожалели, даже не подумав, выдержит ли колокольная такая страшная тяжесть. В состав колокольного сплава вошло пуда четыре золота да пудов сто серебра, а на отливку колокола пошло миллион двести тысяч кирпичей, и она совершилась благополучно. Отливался он тут же, под колокольней, в яме, и когда был готов, то поднятие его представилось предприятием, по трудности мало уступающим самой отливке. Возник вопрос: как быть дальше?

Явился — было это в 1736 г. — сметливый русский мужичок, крестьянин Яранского уезда, Подгородной волости, деревни Большаковой, Леонтий Шамшуренков. Он сработал модели приборов для извлечения из ямы и подъема на колокольню новоотлитого колокола, и власти уже были готовы поручить ему эту работу, но тут с колоколом произошло несчастье. 23 мая 1737 г. в Кремле, случился большой пожар. Леса и подмости, окружавшие колокол, сгорели, а сам он накалился и от воды, попавшей на раскаленный металл при тушении пожара, треснул, и от него откололся большой кусок. Поднимать колокол уже было не для чего, и он пролежал сто лет в яме, из которой был поднят и поставлен на пьедестал лишь в 1836 году.

Леонтию Шамшуренкову решительно не везло. Этот смысленный крестьянин к тому же принадлежал, повидимому, к числу искателей правды, Дон-Кихотов или, пользуясь старым русским выражением, «беспокойных людей». Такие люди не только в России, но и где угодно, под любую широту и долготу, не пользуются расположением окружающих. Вскоре после неудачи с колоколом Шамшуренков вздумал обличать яранского купца Ивана Корягина с компанией в разорении казенного винокуренного завода, в самовольной, без указа, постройке кабаков и в разных других злоупотреблениях. Жалобе его был дан ход, но случилось так, что дело пошло чрезвычайно медленно, а сам Шамшуренков был водворен на время следствия в Нижегородскую тюрьму. Следовательно отнесся к нему весьма подозрительно и арестовал его для того, чтобы он в интересах правосудия не выехал из Нижнего-Новгорода и всегда был у начальства под рукою. И потянулись для бедного искателя правды долгие годы тюремного заклю-

чения. Поручителей же и заступников он не нашел. «С сильным не борись, с богатым не тянись». Кто пойдет против капиталистов- заводчиков?

Сидя в тюрьме, Шамшуренков подал в нижегородскую губернскую канцелярию заявление «о сделании им коляски самобеглой». И такую коляску он, Леонтий, сделать может подлинно, так что она будет бегать без лошади, только правима будет чрез инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней праздных людей, а бегать будет хотя чрез какое дальное расстояние, и не только по ровному местоположению, но и к горе, буде где не весьма крутое место. А та де коляска может сделана быть, конечно, чрез три месяца со всем совершенством, и для апробации на сделание первой такой коляски потребно ему из казны денег не более тридцати рублей, понеже своим коштом, за неимуществом его, сделать ему нечем, которую апробацию может он сделать и здесь в Нижнем-Новгороде, только б определено было помогать ему слесарным и кузнечным и прочих художеств мастерам, которые будут делать по данным от него моделям и за присмотром его стальные и железные инструменты и всякие надлежащие материалы... Тому искусству нигде он, Леонтий, не учивался, но может то сделать своею догадкою, чему он и пробу в доме своем, таясь от других, делывал, токмо она, за неимением к тому достойных железных инструментов, в сущем совершенстве быть не могла, а ход небольшой был же. Для уверения, что то искусство совершенно в нем имеется, объявил он прежнее свое художество — сослался на выданное ему удостоверение, что изобретенный им способ поднятия большого московского колокола был в свое время признан годным, и при этом «подтвердил, что ежели то его показание явится ложно, за то повинен смертной казни» (!). Столь серьезному заявлению губернская канцелярия дала законный ход и направила его в московскую контору правительствующего сената.

Но если человеку не везет, так уж не везет. Сам Шамшуренков был неграмотен и заявление его о «коляске самобеглой, что может бегать без лошади», с прописанием в заголовке полного царского титула, было переписано набепо его племянником. Этот грамотей в черновике бумаги перечеркнул царский титул, а другой арестант, Родионов, составлявший ее со слов Леонтия, усерднейше донес об этом начальству. О таком «помарании титула» закипело дело, но, к счастью, в 1742 г. было прекращено, так как оказалось, что писец «учинил то от неисправного писания крестьянскою своею простотою, а умыслу никакого к тому не было». Прошло еще девять лет, и лишь в 1751 году московская сенатская контора обратилась в сенат с просьбою сообщить, «не повелено-ль будет показанную курioзную коляску реченному крестьянину Шамшуренкову для

апробации делать и на нее предъявленную сумму из казны денег употребить».

Сенат ничего не отвечал. Через восемь месяцев московская контора послала вторичный запрос. Тогда, в феврале 1752 года, сенат приказал: «крестьянина Шамшуренкова прислать в правительствующий сенат и дать ему на корм в пути до Петербурга, на сколько дней надлежит, на каждый по пяти копеек, да ямских ему и с провожатым две подводы, а по привозе его взять у него известие, к сделанию оной коляски, какие именно инструменты и прочее надобны, и во что стать ценою может, и доложить».

В мае 1752 г. Шамшуренков был уже в Петербурге и приступил к осуществлению своей мечты. Сенат приказал дать ему квартиру при канцелярии от строений, отвести удобное место для работы, дать ему инструменты, материалы и необходимых помощников, а по окончании работы представить в сенат коляску вместе с изобретателем, за которым «иметь смотрение, чтоб он делание той коляски производил со всяким поспешением». Кормовых денег ему назначили десять копеек в день, — даже по тому дешевому времени не очень щедро.

К 1 ноября коляска была готова, и канцелярия от строений донесла сенату, что «действует оная под закрытием людьми, двумя человеками, а на дело оной коляски разных материалов и бывшим при том казенным мастеровым людям в жалованье из казны денег употреблено 73 рубля 5 копеек, да оному Шамшуренкову с присылки, мая с 15-го, по означенное 1-е число ноября кормовых денег, по 10 копеек на день, в дачу произведено 17 рублей, всего 90 рублей, 5 копеек. Того ради правительствующему сенату от канцелярии от строений оный Шамшуренков и с сделанною им коляскою при сем представляется». Сенат определил: «самобеглую коляску принять, а его, Шамшуренкова, обязать подпискою, чтоб он без указа из Петербурга никуда не отлучался».

Как только коляска была сдана, несчастный изобретатель очутился в безысходной нужде. Обязав его подпиской о невыезде из Петербурга, сенат прекратил отпуск ему кормовых, и он молил о выдаче ему «для пропитания кормовых денег, откуда будет соблаговолено, чтобы в пище не мог претерпевать нужды». В декабре его отпустили обратно, а в апреле 1753 г. сенат приказал нижегородской губернской канцелярии дело по жалобе его на яранских купцов Ивана Корягина с товарищи «рассмотреть и определение учинить немедленно, как указы повелевают, а дабы он там неотменно к окончанию того дела явился, в том обязать его подпискою, за сделание ж им той коляски выдать ему в награждение пятьдесят рублей».

Едва ли проученный горьким опытом Шамшуренков много заботился теперь об исходе своей старой жалобы, за которую ему пришлось поплатиться таким долгим тюремным заключением, и надо думать, что дело это так и заглохло. Но, ободренный наградой, он тут же обратился в сенат с новым заявлением. Напоминая о своей прошлогодней коляске, он брался «для апробации сделать сани, которые будут ездить без лошадей зимою, а для пробы могут ходить и летом с нуждою. И ежели позволено будет, то и еще сделать могу часы, которые ходить будут у коляски на задней оси, на которых будет показываться на кругу стрелок до тысячи верст, а на всякий версте будет бить колеско-чик. А хотя прежде сделанная мною коляска находится и в действии, но токмо не так в скором ходу, и ежели еще повелено будет, то могу сделать той прежней уборнее и на ходу скорее и прочнее мастерством». Теперь к Шамшуренкову отнеслись с доверием, и в том же апреле сенат

постановил: «Шамшуренкова призвать и спросить, во что оные сани и часы со всеми материалами станут, и, что покажет, доложить правительствующему сенату». Изобретатель ответил, что сани обойдутся в пятьдесят рублей, а часы в восемьдесят.

На этом кончается дошедшее до нас архивное дело о злоключениях талантливого мужика-изобретателя. Удалось ли ему построить самодвижущиеся сани с часовым счетчиком и усовершенствовать свою коляску, неизвестно, но не подлежит сомнению, что «самобеглая коляска его действительно двигалась без лошадей, и что, таким образом, он изобрел автомобиль. Ни чертежей, ни описания двигателя в деле нет, — может быть что-нибудь еще обнаружится современем при розысках в архивных документах. Ясно одно: что русский неграмотный мужик в царствование Елизаветы Петровны построил первый автомобиль, источником энергии для которого не могли служить ни пар, ни электрическая сила. Его изобретение на добрую четверть века старше изобретения французского артиллериста Кюньо, пытавшегося — и неудачно — построить первую повозку, движущуюся паром. В чем собственно состоял принцип его изобретения, остается покамест неизвестным, как неизвестна его дальнейшая судьба. Может быть, он так и сгнил в остроге, продолжая свою борьбу с разорителями народного достоинства? Может быть, изныл и погиб в не менее непосильной борьбе с отечественной косностью? Может быть, его изобретение, имевшее, несомненно, выдающееся принципиальное значение, не было достаточно разработано с практической стороны? Может быть, тогдашняя грубая, первобытная Россия, располагавшая неизмеримыми ресурсами лошадей и корма для них, просто еще не созрела до замены лошадиной тяги машинною? Ведь почти целое столетие спустя, выдающийся министр финансов Канкрин находил железнодорожное строительство в России преждевременным.

Во всяком случае начинание крестьянина Леонтия Шамшуренкова заглохло, и лишь чудом уцелевшее архивное дело спасло его имя от окончательного забвения и сохранило смутное воспоминание о первом автомобиле и его горемычном создателе. Его имя стоит почти в самом начале длинного мартиролога русских изобретателей, и судьба его была не слишком несчастной в сравнении с судьбою его немногочисленных предшественников. При Грозном смерд Никитка летал на какой-то машине вокруг Александровской слободы и за эту удачу был казнен, а аппарат его сожжен. Незадолго до Шамшуренкова какой-то рязанский подъячий поднялся на шаре, который надул «дымом поганым и вонючим, и нечистая сила подняла его выше березы», а потом он еле спасся от смертной казни. У Шамшуренкова был свой час торжества, — когда его коляска побежала без лошадей, и сенат дал ему награду. Он наверно простил тогда гонительнице-судьбе свое пятнадцатилетнее заключение и свое горькое «неимущество».

Пересказанная нами здесь история первого изобретателя автомобиля в своем роде не менее поучительна, чем сказ Лескова о тульском косом левше.

— Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной» душой, — говорит Лесков.

История Леонтия Шамшуренкова — наш трудовой эпос, который тем прекраснее, что в нем нет ни одной выдуманной черточки, и каждое слово благородная правда.

Н. Лернер.

„Крылатый безумец“

Чарли Линдберг

*Предатель!
подпись орнитолога*

Очерк
М. БОРМИЛИНА.

На облачном небе мелькнула черная точка. Она ширится, растет и мало-по-малу видно, как неясные контуры вырисовываются в плавные, несгибающиеся крылья. Отчетливый изящный поворот и «Spirit-of-St-Louis» садит на землю «крылатого безумца», пролетевшего без остановки 33 с половиной часа. Как будто сомневался в том, прилетел ли он в Париж, Чарли неуверенно осматривается по сторонам. Сомнение мгновенно рассеивается: стотысячная толпа, наводнившая Бурже, смело охранительную завесу войск и ринулась к машине. Из нее выпрыгивает высокий блондин, с худым, пышущим здоровьем, энергичным лицом. Он как-будто не испытывает никакой усталости. Задорно подняв верху свою меховую каску, он приветствует бросившихся к нему французских товарищей, которым удастся хитростью скрыть его от опасных восторгов людской лавы. Чарли Линдберг благополучно окончил перелет Нью-Йорк—Париж без спуска.

Интерес этого полета для нас заключается, главным образом, в том, что это первый случай, когда организация такого дальнего перелета была совершена вне участия трестов и компаний, без того бума и шумихи, которыми обычно сопровождаются в рекламных целях такие предприятия.

25-летний Чарли, швед по происхождению, пилот американского почтового ведомства, все время развозил воздушную почту из Сен-Луиса в Чикаго. Узнав о том, что американский миллионер Раймонд Ортейг назначил премию в 25 тысяч долларов тому летчику, который первым без спуска перелетит из Нью-Йорка в Париж, он поведал своим друзьям из Сен-Луиса — его родного города, о желании попытать счастья. Друзья его поддержали. В этом городе находится небольшая фабрика авиационных моторов Риян. С владельцем этой фабрики, другом его покойного отца (бывшего члена американского парламента) Чарли условился, что они без шума попытаются снарядить этот полет, обставив его всяческими техническими предосторожностями. Семейные друзья Чарли и его матери (профессора химии Сен-Луисского университета) решили вскладчину собрать необходимые средства как для покупки машины, так и для общей организации полета, и было внесено, таким образом, около 25 тыс. долларов. Показательно для характеристики всей обстановки, сопровождавшей полет, то обстоятельство, что сам Чарли вложил в это дело свои сбережения в размере 2.500 долларов. И началась скромная, тихая работа. Каждую неделю возвращаясь из Чикаго, Чарли направлялся в мастерские завода, где совместно с техническим персоналом следил за оборудованием машины. Однако, весть о предстоящем полете Линдберга вышла за пределы родного города. Могушественные компании, монополизировавшие воздушные сообщения Америки, уже давно готовящие такой же перелет, подняли скандальный шум против Линдберга. Они печатали статьи в принадлежащих им газетах о безумной затее молодого новичка, о несовершенстве мотора и о «жестяной коробке» самой машины. Но город Сен-Луис, возлагал надежды на своего соотечественника и не сдавался. Чарли усиленно работал, не желая подвести искренне верящих в него семейных друзей. Он тренируется, перелетая регулярно из Сен-Луиса (в штате Миссури) в Сан-Диаго (Калифорния), покрывая 2.400 километров за 14 часов в среднем. Пользуясь отпускными днями, он летает из Чикаго в Нью-Йорк и обратно. Растет и накапливается и уверенность в своих силах и вера в машину. Ничто не предоставляется слепому случаю. Чарли изобретает и сам пробует парашют. В сентябре 1926 г. он подымается с прикрепленным к спине аппаратом на высоту 1.200 метров и бросается оттуда из машины. Аппарат медленно разворачивается и плавно приносит Линдберга к земле. Два месяца спустя, 4 ноября, во время перевозки почты, мотор Линдберга сдал и машина начала падать. Линдберг снова выскакивает и снова парашют приводит его невредимым к земле. Предвидя возможность спуска на воду при перелете через океан, Линдберг конструирует специальный пневматический

плот. Все устремлено к тому, что бы облегчить возможно более вес аэроплана. Каждым пробным полетом Линдберг пользуется для того, что бы уточнить профиль машины. Он изобретает и совершенствует бортовые инструменты, служащие для определения уклонения машины от поставленного направления. Вопреки распространенному «конкурентами» мнению — машина Линдберга сконструирована и экипирована в полном соответствии с предстоящими трудностями полета. И уверенный, поскольку можно быть вообще уверенным в бесперебойном 34-часовом полете, Линдберг отправляется в путь.

20-го мая 1927 года, забрав с собою несколько бутербродов, две бутылки воды и фляжку горячего шоколада, Чарли Линдберг в 12 часов 52 минуты дня по европейскому времени, срывается с Нью-Йоркского аэродрома (Поле Рузвельта)... В 9 часов вечера он пролетает над Бретонским мысом. В 2 часа 10 минут ночи он пересекает Атлантический океан (на 49° 24' северной широты и 43° 72' западной долготы). Валенсия (Ирландия) видит его 21-го мая в 2 часа 50 минут пополудни... В 8 часов 25 минут вечера он проносится над Шербургом. И в 10 часов 19 минут «Сердце Сен-Луиса» плавно опускается в Бурже (аэродром под Парижем), покрыв почти 6.000 километров в 33 часа 27 минут.

Тридцать три часа... Около полутора суток непрерывного, настойчивого внимания... Малейшее ослабление волевых центров, минутная разрядка физической напряженности и... камнем ринулось бы вниз хрупкое «Сердце Сен-Луиса». Восемь часов титанической борьбы над океаном с дождевой выюгой... Острые колючки хлещущего, как пулеметные залпы, ливня... Тяжелый свинец водяного застила тяготит зоркие глаза... Облеченные мускулы хрустко напрягаются в судорожном обхвате руля... Но молодое, здоровое сердце не сдаётся. Нет надобности в стимуле кофеина, взятого «про запас». Надо — во что бы то ни стало — долететь! Надо — во что бы то ни стало — победить глупую, неразумную стихию! И мудрая воля летчика и разумное сердце мотора в едином порыве, в одном неразрывном целом, неуклонно и стремительно направляют хрупкий каркас воздушного челна к намеченной цели!

В одной из французских газет появилась любопытная заметка самого Чарли Линдберга о своем перелете и связанных с ним личных переживаниях. «Всюду толкуют о моем счастье, но не счастье делает успех. Все мое счастье заключалось в том, что в моих руках был лучший аэроплан, который мог быть построен для полета Нью-Йорк — Париж. У меня был отличный двигатель и отличные инструменты, и я полагаю, что хорошо ими воспользовался. Вам известно, конечно, что я вылетел довольно неожиданно. В субботу, в 4 часа пополудни, мне показалось, что погода обещает быть благоприятной. «Пора!» — сказал я самому себе и двинулся в путь. Но погода быстро испортилась вскоре после моего вылета. Шел дождь и весь берег Америки был окутан туманом. Когда я оставил за собой Нью-Фаундленд, стихии словно с цепи сорвались и промучили меня всю ночь. В несколько минут моя машина покрылась слоем льда, когда я попал в снежную бурю и уже начал было подумывать о том, чтобы вернуться обратно. Но решил, что на обратном пути мне, может быть, придется еще хуже и полетел дальше. Я опускался вниз и летел в трех метрах от уровня моря и снова поднимался вверх, забирая высоту до 3.000 метров, чтобы спастись от непогоды. Но ничто не помогало. Только к утру погода стала изменяться к лучшему.

В воскресенье, около полудня, я увидел под собой флотилию рыбацких лодок; на некоторых из них я различал людей. Я круто снизился и закричал: «Правильно я держу путь на Ирландию?», но они мне ответили: либо меня не поняли, либо приняли за сумасшедшего. Час спустя я увидел землю. Было уже около 4 часов пополудни. Заметил скалы и скоро понял, что это должна быть Ирландия.

Весь остальной путь был уже детской забавой. Я пересек Англию, перелетел через канал и, очутившись у Шербурга на французском берегу, отыскал Сену и последовал за ее течением. Когда мне оставалось лететь до Парижа еще полчаса, я заметил маячный огонь. Увидев вдали яркую полосу света, высоко поднимавшуюся от земли, я подумал, что это должна быть Эйфелева башня, а потому перелетел через Париж и принялся искать Бурже. Я сигнализировал своим аппаратом Морзе, но мои сигналы, повидимому, не были приняты. Наконец, увидел яркий свет и фонари множества автомобилей. «Это Бурже», — подумал я, — и начал снижаться. Я много ожидал, но к такой встрече не подготовился. Едва только мой аппарат коснулся земли, как ко мне устремился стремительный людской поток. Я тотчас же выключил мотор, иначе произошел бы неизбежно

несчастный случай. Меня выхватили из кабины и через минуту я находился уже на плечах толпы.

Воскресный прием в Бурже был самым опасным эпизодом во всем моем путешествии. Вскоре несколько офицеров освободили меня и, я охотно за ними последовал, но боялся за свою машину».

Опасения летчика имели за собой основания: восторженная толпа изрядно потрепала кузов «Сердца Сен-Луиса», выдергивая себе кусочки на память о летчике и его смелом перелете.

Американский посол в Париже предоставил Линдбергу возможность поговорить по радио с его матерью в Нью-Йорке. Любопытен короткий разговор. Линдберг: «Благополучно». Мать: «Так счастлива. Надеюсь скоро тебя поцеловать». Да и что еще могли они сказать друг другу?

Америка вся в радостном энтузиазме. Еще ночью 22-го мая (день отлета Линдберга) у многих тысяч тревожно билось сердце. Широкие же массы еще и не знали, что полет уже начался, так как радиостанции получили строгий приказ не передавать никаких сведений, если таковые не получены из самых достоверных источников. Но в полдень запрет молчания был снят, хотя никаких достоверных сообщений еще не поступало. Носились всевозможные слухи, пока не появились первые достоверные сведения по радио, что Линдберг вечером перелетел Нью-Фаундленд, а затем «крылатый безумец» исчез во мраке ночи. В полночь стало известно, что его видели в 1.000 километрах к востоку от Св. Иоанна, а затем вновь часы тревожного ожидания, пока английские антенны. Чатам не передали радостную весть: пароход «Хильберзуль» видел аппарат Линдберга в 800 километрах восточнее ирландских берегов. В три часа новое сообщение: «Линдберг перелетает канал... Он на французском берегу... В Бурже». Напряжение росло с каждой минутой. И, наконец, последнее: «Спустился!». Тогда Америка возликовала: «Our boy has done it!» («Наш паренек это сделал!»). Люди обнимались друг с другом и само собою создалось огромное массовое празднество. Президент Кулидж шлет Линдбергу поздравительную телеграмму. «Весь американский народ, — говорит Кулидж, — ликует вместе со мной при столь блестящем выполнении исторического перелета». Американцы открыли нового героя и их воодушевление не знает предела. «Крылатого безумца» американские моряки приглашают занять лучшую каюту на борту любого парохода, чтобы перевести его обратно в Нью-Йорк как почетного гостя.

Чарли первым перелетел океан без спуска. Чарли Линдберг вкратце золотыми буквами свое молодое имя в списки тех отважных героев, которые совершенствуют на практике достижения кабинетных теоретиков, и направляют — зачастую свою гибелью — работы изобретателей в ту или иную сторону.

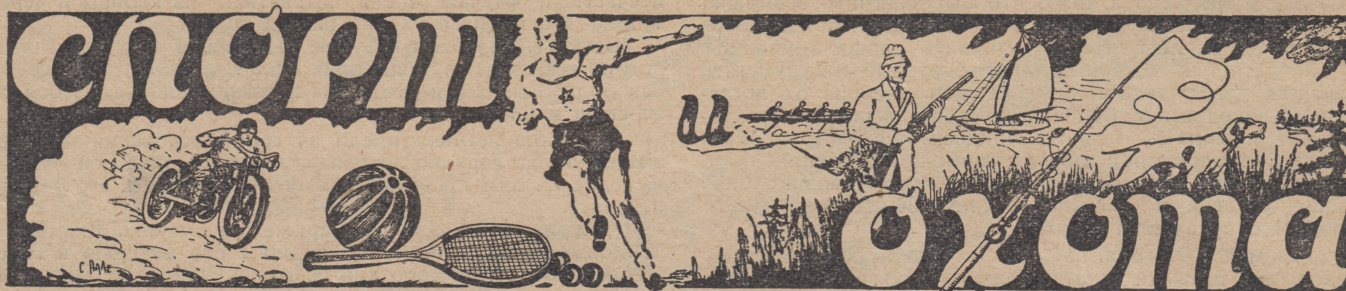
Неизвестный еще вчера — сегодня Чарли предмет всеобщего внимания.

Но он не «оправдывает» надежд, возлагаемых обычно на любимцев дня. Скромный и сдержанный, как и в период организации перелета, Чарли показывает и после победы, как чужда ему типичная капиталистическая эксплуатация случайного, быть может, успеха. Он отказывается от миллионного заработка, предложенного ему фабрикантами голливудских фильмов. Он отклоняет — одно за другим — несколько предложений театральных директоров бешено оплатить такую рекламу, как... посадка его машины возле некоторых театров. Он отказывается от 100.000 долларов за 8-дневное выступление на подмостках. Он пренебрегает 10.000 долларов — как оплату одного лишь факта его присутствия на открытии нового театра в Миннеаполисе. Чарли Линдберг заявил, что не примет никаких денежных предложений, не имеющих непосредственного отношения к развитию авиации.

Этот факт бессребренности слишком необычен для буржуазных летчиков, чтобы его можно было обойти молчанием.

Победа Линдберга сделала его рекордистом дальности расстояния без спуска. До него этот рекорд был в руках французских летчиков Кост и Риньо, пролетевших 5.340 километров между Парижем и Дамаском. Эта же победа внесла новое убедительное доказательство в актив сторонников охлаждения мотора воздухом, каким был мотор Линдберга.

Победа Чарли — энтузиаста авиации, «крылатого безумца» — является тем актом личной отваги, тем проявлением личного спортивного совершенства, которые, в конечном итоге, служат делу международного общения, сближая тдаленнейшие материки и объединяя разбросанное человечество.

О БЕГЕ.

Кто занимается по настоящему спортом и в ком действительно бьется спортивная жилка, тот всегда любовно относится к бегу, как первоисточнику и основе гимнастических упражнений и спортивных игр. Почти все виды спорта связаны с бегом если не прямо, то косвенно, когда он является в них необходимым связующим звеном. Бег нужен футболисту, игроку в теннис или хоккей; хороший бег необходим для успеха в борьбе, боксе, велосипедистике и плавании. Всякая форма спорта отчетливо и быстро совершенствуется под благотворным влиянием предварительных упражнений в беге. Теория и практика спорта единодушно заявляют: кто хочет действительно выдвигаться в избранном им спорте, тот должен в свою тренировку, в программу своих предварительных упражнений, включить обязательно бег.

Бег с препятствиями за городом.

Конечно, бег и сам по себе, как самостоятельная форма спорта, имеет множество поклонников. Не следует только забывать, что бег — далеко не легкое и простое занятие, как ошибочно думают иногда мало искушенные в спорте люди. Как часто на спортивных площадках приходилось наблюдать за новичками, которые впервые показывают инструктору свой первый круг. Невольно вспоминаешь тут о новобранце, который в начале своей военной службы горестно убеждается, что он ни стоять, ни ходить как следует не умеет. Приблизительно то же самое слышит новичек-бегун и от своего инструктора или тренера, заявляющего ему, что о беге он не имеет ровно никакого представления, руки держит неправильно, ноги поднимает слишком мало и т. д. Правда, смущаться этим нечего: в хорошем спортивном клубе новичек уже после первых упражнений быстро схватывает наглядные уроки и отчетливо понимает, чего он должен добиваться, в каком направлении совершенствоваться. Таким путем легко избежать новичку тех начальных ошибок, к которым так легко привыкаешь и от которых позднее с таким трудом избавляешься.

Бег разделяется на два основных вида: бег на короткие расстояния, т. е. на скорость, и бег на длинные расстояния, т. е. на выносливость. В каждом случае наш организм работает по-разному. Кто бежит на скорость, т. наз. спринтер, тот вырабатывает в себе особую сноровку возможно быстрее выбрасывать ногу вперед, а кто бежит на дальность, т. наз. стайер, тот добывается от своего организма повышенной выносливости, неутомимости; здесь, при большом пробеге, отдельные броски всегда короче и менее сильны, чем у спринтера.

Само собою разумеется, способность к тому или другому виду бега определяется нашим природным телосложением. Спринтер должен обладать прежде всего длинными и мускулистыми бедрами, у него в высшей степени развита также способность пробегать значительное пространство при задержанном дыхании, ему не повредит, наконец, ни большой рост, ни вес самого тела. А между тем, для стайера выгоднее быть маловесом, иметь средний рост и — что имеет для него величайшее значение — так управлять своим дыханием, чтобы вдохи и выдохи согласованно чередовались. Словом, правильность и сила дыхания является в спортивном беге условием необходимым.

Различие между бегом на короткое и длинное расстояние сказывается, прежде всего, в форме шага. Конечно, скорость всякого бега зависит от длины шага. И если мы будем, например, ставить при беге ногу на пятку, то шаг значительно удлинится. Казалось бы, именно таким путем и нужно добиваться большей скорости, но беда в том, что здесь тело получает слишком резкий толчок, который вредно отражается на всей работе. Вот почему советуют смягчать в беге эти толчки и ставить ногу на носок. Установкой ноги на носок достигается та мягкость или эластичность хода, которая значительно облегчает самый пробег. В такой постановке ног особенно нуждается бегущий на скорость (спринтер); бегущий же на выносливость (стайер) может ставить ногу и на всю ступню, хотя зачастую и тут преимущество остается за тем, кто выучился бегать на носках.

Бег по ровному месту на дальнее расстояние.

Переходя к дальнейшему описанию этих двух видов бега, считаем нужным напомнить читателю, что у нас все время идет речь о спортивном беге, а не гимнастическом. Гимнастический бег является простым физическим упражнением и справедливо считается наиболее естественным и правильным способом оздоровления нашего организма, ибо бег развивает не только мышцы ног, но также мышцы брюшные, грудные и спинные. В гимнастическом беге руки должны быть согнуты в локтях и не раскачиваться, а колени высоко поднимать не нужно.

Спортивный бег точно также содействует общему гармоническому развитию нашего организма, но здесь иная цель, а потому и приемы иные. Шаг делается возможно более длинным и частым; туловище наклонено вперед, руки с силой раскачиваются в противоположном

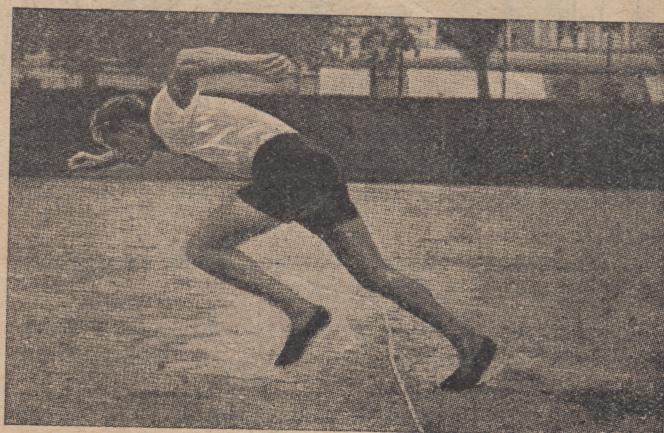
ногам направлении, напр., левая рука выносится вперед одновременно с правой ногой.

Какова же должна быть тренировка того, кто хочет подготовить себя к бегу на средние и большие расстояния, напр., от километра и больше? Здесь всего разумнее начать тренироваться с пробега того небольшого расстояния, которое удается нам без особого труда, но зато мы все время должны увеличивать скорость своего бега. И только при достижении наибольшей для каждого из нас скорости, мы должны увеличивать постепенно и расстояние своего пробега. В зависимости от крепости организма и намеченного для пробега расстояния, предварительная тренировка возьмет у нас 4—6 недель, а иногда и больше. Не забывая о передышке и время-от-времени пропускайте день-другой, заменяя в этих случаях свой бег обычной прогулкой.

Конечно, тренировка необходима и спринтеру, добивающемуся наибольшей скорости своего бега. И особенно дорога здесь сноровка молниеносно срываться с линии старта по данному сигналу. В недавние еще времена бегуны держались на старте по-разному: одни стояли прямо, другие сильно подавались вперед, третьи становились на четвереньки и помогали себе руками, отталкиваясь ими от земли. А правильное или ошибочное положение на старте решает победу или поражение, вот почему всякий спринтер должен упражняться с особой настойчивостью в правильном и быстром отрыве при старте. Выкопаем, прежде всего, в земле две ямки, настолько глубокие, чтобы в них свободно уходил весь носок нашей каждой ступни. Левую ногу мы помещаем на линии старта и переносим на нее главный вес нашего тела, правую же ногу отставляем назад и пользуемся ею для равновесия нашего корпуса. Расстояние между обеими ногами должно быть таково, чтобы колено задней (или правой) ноги должно находиться, при согнутом положении обоих колен, на уровне нашей щиколки передней (или левой) ноги. Вытянутые руки легко опираются, без всякого на них нажима, на линию старта. Таково первоначальное положение, но при команде: «Изготовься» следует немного выпрямиться, слегка приподнять голову и так податься вперед всем корпусом, чтобы сохранить только равновесие и не упасть. В тоже время спина принимает горизонтальное положение, задняя нога слегка сгибается в коленном суставе, а легкие забирают воздух. Все внимание целиком сосредоточивается теперь на предстоящем отрыве. Секунда напряженного ожидания и в момент сигнала все силы уходят на то, чтобы с молниеносной быстротой оттолкнуться сначала задней (правой) ногой, а затем сразу же и еще крепче передней. Задняя нога должна очутиться за линией старта на 50—70 см., прежде чем коснется земли. В самом начале следует пошире расставить ноги, чтобы удержать равновесие. Только установившись в беге после нескольких шагов, можно бежать легко и ровно, развивая возможно большую быстроту и смотря все время вперед, а не на своих противников. Старайтесь выработать в себе крепкую волю к победе и упорно боритесь до самого конца. В беге на короткое расстояние самое ничтожное колебание может дать выигрыш противнику.

Все сказанное наглядно поясняется чертежом. Буквы L_1 означает левую ногу, а R_1 — правую. В середине чертеж пересекается линией старта, у которой две небольших кривых линии по бокам обозначают примерное положение наших рук. Ниже мы видим надпись «направо» — здесь ямка для носка нашей правой или отставленной

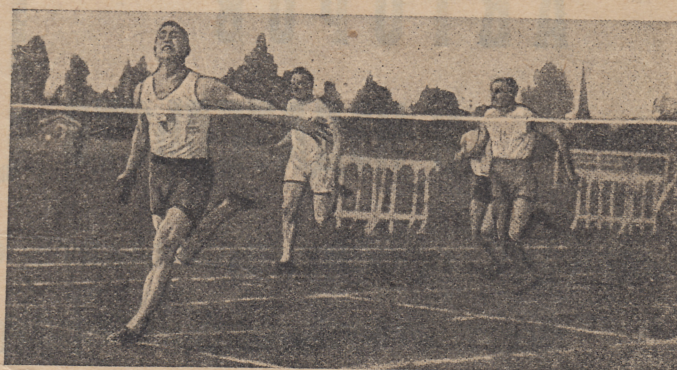
ноги; от ямки прямая линия идет через колено той же ноги; положение колена указано то, которое должно быть до сигнала. А дальше та же прямая линия ведет нас к первому следу, который оставит на земле правая или задняя нога. Другая прямая линия на рисунке — левая. Она от колена левой ноги («налево»), несколько выдвинувшейся вперед, ведет к первому следу той же ноги после отрыва от линии старта.

Момент отрыва со старта при беге на 100 метров.

Дальнейший же рисунок показывает, что и после отрыва корпус еще сохраняет устремленное вперед положение. И только после 20 метров за линией старта бегущий начинает все более и более выпрямляться. Чтобы прочно овладеть и пользоваться этим выгодным для самого начала бега наклоном вперед нашего корпуса, нужно прибегнуть к такому упражнению. Установите в 5—7 метрах за линией старта шнурок на высоте своих плеч и старайтесь быстрее пробежать под ним с подавшимся вперед корпусом.

В заключение упомянем, что в спорте различают кроме описанного нами гладкого бега еще бег с препятствиями. В этом последнем случае при беге на короткие расстояния ставят 10 барьеров (вышиной в 106 см. при беге на 100 метров и в 91 см. при беге на 400 метров). Этот бег требует уже от своих участников исключительной техники; расстояние между двумя барьерами (9 метров) часто следует, напр., пробежать обязательно тремя шагами, так что каждый шаг равен 3 метрам. Бег с препятствиями устраивается не только на специальных дорожках (т. наз. «стипль-чез»), но и через поля и леса (т. наз. «кросс-коунтри»).

Хубен ставит рекорд на 100 метров.

Само собой разумеется, что тренировка при подготовке к состязаниям сопровождается особой диетой, душами, растираниями и т. д. В частности, при беге на скорость следует начинать работу с маленьких расстояний в 50—60 метров, а затем прибавлять расстояние применительно к предстоящему бегу.

В. Д.

Ал. Смирнову. Всякое дробовое ружье можно приобрести без предварительного разрешения, но потом необходимо зарегистрировать его в местной милиции.

Е. Мальвину. Шерлок Холмс—лицо вымышленное писателем А. Конан-Дойлем.

П. Штырову. За разрешением на выписку велосипеда из-за границы обратитесь в Наркомторг. Пошлина — 25 рублей.

Наше издательство никаких комиссионных поручений по приобретению чего-либо, на себя не принимает.

К. Лаврову. Насчет рыбной ловли дадим статью в ближайших номерах. Болотная дичь обычно прилетает со вскрытием рек. Сроки охоты устанавливаются в каждой губернии местным Губернским Союзом Охотников.

Лучшая книга по охоте—«Охотничий календарь» Сабанеева (достать трудно), а по рыбной ловле—«Рыбы» того же автора.

Бокс запрещен за грубую спортивную форму, часто ведущую к членовредительству.

Т. Недвиге. Загорать на солнце полезно, но не каждому. Людям очень малокровным, нервным и с больным сердцем следует обязательно посоветоваться на этот счет с врачом. Солнечные ванны надо начинать с 4 минут (по одной минуте лежать на спине, на груди и на обоих боках) и, прибавляя постепенно, через 2—3 дня по 4 минуты, дойти до 40—60 минут. Не забывайте, что чрезмерное нагревание организма солнцем может оказать вредное влияние. Голову непременно закрывайте белым платком или полотенцем

А. Камбировичу. Относительно возможности приобретения воздушных широв для нового спорта (см. № 9 «Вокруг Света») запросите местный ОСО-Авиохим.

И. С. Мышалову. «Собачью перечницу» попробуйте сделать сами, воспользовавшись резиновой трубкой.

Вл. Дрозд. Солнечное затмение 29 июня 1927 г. будет наблюдаться на Северном Кавказе как частное. Фаза в зависимости от широты места от 0,3 до 0,5. Для средней полосы СССР от 0,5 до 0,7, северной—от 0,7 до 0,9.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ИЗДАТЕЛЬСТВ

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В № 9

Правильно ли идут часы?

Весь рисунок ясно говорит нам, что наступила уже осень. Деревья почти совсем голые. Пешеходы одеты тепло. Словом, мы невольно думаем о глубокой осени или только что наступившей весне. Но в это время года в восьмом часу еще слишком темно, чтобы солнце могло отбрасывать такие тени, которые указаны на рисунке. А потому, часы либо стоят либо идут неверно.

Редакция просит присылать ей на отзыв всю литературу, соответствующую программе нашего журнала.

В ближайшем будущем будет открыт новый библиографический отдел „КНИЖНАЯ ПОЛКА“.

ВНИМАНИЮ

всех ХОЗЯЙСТВЕННЫХ, СОВЕТ-
СКИХ, ПАРТИЙНЫХ и ПРОФЕС-
СИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСВЕДОМЛЕНЫ обо всем,
== ЧТО СВЯЗАНО С ВАШЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ!

Исчерпывающую информацию ДОСТАВЛЯЕТ

БЮРО ВЫРЕЗОК

„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“

БЮРО ИМЕЕТ: ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ
ВСЕГО СССР

НАИБОЛЕЕ ИНФОРМИРОВ.

ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ
ЕВРОПЫ и АМЕРИКИ

БЮРО СНАБЖАЕТ: ГОСУДАР., КОММЕРЧ., ПАРТИЙНЫЕ, ОЩЕ-
СТВЕН. ОРГАНИЗАЦИИ и ЧАСТНЫХ ЛИЦ

СИСТЕМАТИЧЕСКИ ПОДОБРАННЫМИ ВЫРЕЗКАМИ

ИЗ ГАЗЕТ и ЖУРНАЛОВ СССР и ИНОСТРАННЫХ
ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ.

прием заказов на 1927 г. и аккуратное исполнение
ПРОИЗВОДИТСЯ

В БЮРО ВЫРЕЗОК — Ленинград, Пр. 25 Октября, 1. Тел. 5-32-86
В МОСКОВСКОМ ОТДЕЛЕНИИ — Москва, Советская пл., 34. Тел. 4-18-66
и во всех представительствах „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“

ВЫЗОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ по тел. 5-32-86.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ
ОХОТНИЧЬИМИ и РЫБЛОВНЫМИ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ

Павла МЕЛЬНИКОВА

Москва, Центр. рынок, 5-я лин. № 657.

Требуйте преискурнты за 18 коп.
(гербовыми марками).

Куплю охотничье ружье и мало-
калиберную винтовку, машинку
для метания тарелочек.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по уста-
релым методам. Наилучшим при-
знаем новейший метод МЕРТНЕРА,
избавляющий от необходимости ти
заучивания слов и правил. Само-
учитель в 10 выпусках выхо-
дится за 2 р. 85 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17.

„Русско-Иностранная Книга“.
10—1

ВЫШЛИ и ПОСТУПИЛИ в ПРОДАЖУ 2-м ИЗДАНИЕМ КНИГИ ПОПУЛЯРНОЙ БИБЛИОТЕКИ ЖУРНАЛА „НАУКА и ТЕХНИКА“

Д-р З. Меримский — Беремен-
ность и средства против
беременности.

Г. Емцов — Как установить
радио-приемник. Заземле-
ние и антенна.

Г. Емцов — Самодельный ра-
дио-приемник и его части.
Инж. И. Искольдский — Химия
в технике старой Руси.

Из практики — 169 практиче-
ских рецептов и советов.

Инж. А. Фентеклюз — Ветро-
электрическая станция лю-
бителя.

Инж. Ямпольский — Никелиро-
вание.
А. Луговой — Спутник кра-
веда.

Цена отдельного вып. — 15 коп., с пересылкой — 17 коп.

Можно вып. из Гл. Конт. Изд-ва — Ленинград, Фонтанка, 57.

1000 Слов немецких

Новейший практический самоучитель НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.
Он занимателен по материалу, легок в усвоении и экономен по
времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в 6 месяцев.
Каждый выпуск богат иллюстрирован.

ТРЕБУЙТЕ у всех газетчиков, в книжных киосках и на вокзалах.

Цена отдельного выпуска 15 коп.

Подписная цена за все 15 выпусков 2 рубля.

Ленинград, Фонтанка, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

1000 Слов английских

2-ое исправленное и дополненное издание.

Настоящий самоучитель построен на основах живой разговорной речи, которая легка по своей форме, занята по своему содержанию и каждому дает возможность практиковаться в языке в любое время и любом месте.

Живая разговорная речь не только является ключом к
языку литературному, т. е. вводит уже в понима-
ние английской книги или газеты, но она же
помогает практически усвоить те неиз-
бежные правила грамматики, кото-
рые сами по себе многими
плохо понимаются и
быстро забыва-
ются.

1000 СЛОВ АНГЛИЙСКИХ ИЗУЧАЕТ ВСЯКИЙ

Кто стремится пра-
ктически овладеть разговорной
английск. речью и ее правильным произношением
хочет работать на легком, живом и богато-иллюстри-
рованном материале

Кто

Кто

Кто

связан временем и не может заниматься систематически

хочет подготовить себя к чтению английских журналов и газет.

Цена 2-го издания
2 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ у ГАЗЕТЧИКОВ
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“

Цена 2-го издания
2 р. 50 к.

Ленинград, Фонтанка, 57. Москва, Советская пл., 34, и во всех контрагентствах „Красной Газеты“.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС

ОБРАЗЧИКИ ЛЮДСКИХ ФИГУРОК

Мы предлагаем нашим читателям вплотную заняться уже известной им игрой в „СТОМАХИОН“, чтобы принять участие в нашем втором конкурсе на тему:

ЛУЧШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИГУРА

Образчики прилагаются.

КАКИЕ ЖЕ ПРЕМИИ?

Редакция просит самих участников этого второго конкурса наметить желательные премии, исходя из всех цен вещей, которые были объявлены для нашего первого конкурса.

Фамилии выигравших премии, а также шести следующих лиц, составивших лучшие человеческие фигуры, будут напечатаны в журнале вместе с их решениями.

1-го августа последний срок отсылки фигурок с мест своего жительства.

Ленинград, Фонтанка, 57. Редакция „ВОКРУГ СВЕТА“

